

Станислав Далецкий

СЛУЧАИ из ЖИЗНИ
Ивана Петровича Домова

ПОВЕСТИ и РАССКАЗЫ

МОСКВА 2020

18+

Станислав Владимирович Далецкий

Случаи из жизни Ивана Петровича Домова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63583678

SelfPub; 2020

Аннотация

Повесть и цикл рассказов о жизни русского человека прошедшего путь от слесаря в провинциальном городке Сибири до профессора московского университета, со второй половины двадцатого века и до начала двадцать первого. Воспоминания и размышления профессора дают развёрнутую картину жизни в России от советских времен и до глобального демократизма, разрушившего привычный уклад и мораль русского человека. Бытовые зарисовки включают производственные, общественные и любовные отношения людей на протяжении всей жизни персонажа.

Содержание

Окаянные годы	4
В весеннем лесу	107
Советское детство провинциала	133
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Станислав Далецкий

Случаи из жизни Ивана Петровича Домова

Окаянные годы

(из повести «Осенняя поездка в прошлое»)

I

Августовскую ночь, Иван Петрович Домов – профессор авиации, спал спокойно без сновидений и внезапных ночных пробуждений, а потому, проснувшись утром, был бодр и свеж – как может быть бодр и свеж человек, приближающийся к 70-летнему возрасту. Проживал он одиноко, в большой квартире Подмосковного городка, отселив жену, с которой за долгие годы совместной жизни так и не обрёл взаимопонимания, но подселив кота, которого подобрал на даче беспризорным котёнком.

Вчерашнее ненастье кончилось и за окном светило утреннее солнце, прорываясь сквозь остатки туч, спешащих куда-то на север вслед за ушедшим дождём.

Иван Петрович встал, выполнил утренние процедуры, по-

завтракал и стал собираться на работу. Сборы заключались в подборе бумаг, разбросанных по письменному столу и укладывании в судок своего обеда на работе. Дело в том, что как профессор и доктор наук он уже не зарабатывал на полноценный обед в столовой или кафе – такова современная Россия – поэтому он, как и большинство его учёных коллег, приносили обед с собой из дома. Этот обед обычно состоял из котлеты или куска мяса, или курицы с гарниром, помидора, огурца или яблока и всё. В течение дня удавалось ещё попить чаю: благо чайник и холодильник стояли тут же в углу рабочей комнаты, так сказать в кухонном закутке, отгороженном книжными шкафами. Нет, конечно, он мог бы пообедать и в кафе, но это стоило бы ему трети дневного заработка профессора.

Так сбылись планы Гитлера: русский человек поставлен демократами на грань выживания.

Снарядив портфель бумагами и едой, Иван Петрович вышел из дома, оставив кота одного в пустой квартире. Надо сказать, что кот всегда ревниво относился к его уходу. В начале кот пытался заигрывать с Иваном Петровичем, хватал его за ноги, ложился у двери и кувыркался, как бы показывая, что уходить не надо, вот же я, оставайся и ты – вместе подремлем на диване. Потом поняв, что Ивана Петровича не остановить, кот стал демонстративно вскакивать на подоконник и, отвернувшись, внимательно вглядываться в окно, показывая спиной свою обиду на уход хозяина. Его воз-

вращение с работы кот также встречал возмущенными криками, до тех пор, пока Иван Петрович не погладит его и не пристроит возле себя на диване. И такой ритуал повторялся всю рабочую неделю.

Выйдя из дома, Иван Петрович заспешил к электричке. Было восемь часов утра. Вместе с ним, в том же направлении, двигались другие люди с выражением постоянной озабоченности на лицах. В этом городке, как и в других подобных подмосковных городах, какой-либо приемлемой работы, почти не осталось, и люди вынуждены ездить в Москву, где возможности трудоустройства всё же были, впрочем, тоже только в сфере обслуживания, к которой Иван Петрович относил и свою нынешнюю, так сказать, научную деятельность.

Путём нескольких ловких махинаций, предатели и проходимцы захватили власть в стране, а потом и саму страну, превратив её из второй мировой державы в захолустье развивающейся страны третьего мира. С разрушенными и уничтоженными промышленностью и сельским хозяйством и деградирующим населением, вынужденным в поисках средств существования ездить на работу в большие города, чтобы обслуживать чиновников, воров и нуворишей, распоряжающихся страной как своей личной собственностью, но без всякой ответственности за содеянное.

Раньше, при Советской власти, особенно через 10-15 лет после Войны, обеспечивалось развитие всех территорий и

поселений так, чтобы человек, где родился там и мог бы, при желании, прожить всю свою жизнь, имея такую же работу и её оплату, как и другие окружающие его земляки. Ну а если были какая-то цель и призвание то любой мог уехать туда, где эти цели и желания можно было реализовать. В общем, люди жили по принципу: где родился там и пригодился. Потом скрытые враги стали отрывать людей от своих корней, укрупняя деревни и сёла и небольшие города, стягивая производство в крупные центры областей, краёв и республик. Учёные социологи и экономисты обосновывали это неэффективностью мелкого производства, а мелкие поселения – оторванностью от культурных центров страны и низкими бытовыми условиями. Уже тогда, миллионы людей сменили места жительства вслед за работой, но работы тогда ещё хватало всем.

Потом наступили торжество и разгул демократии, и большинство производств было просто уничтожено или разворовано, появилась массовая безработица, особенно на селе и в маленьких городах, и люди были вынуждены искать работу в крупных городах. Так и появились потоки людей на работу в крупные города: утром туда – вечером обратно. Жизнь людей превратилась в челночные поездки: из дома в город на работу и назад, как говорится – от хомута к стойлу и обратно.

С таким потоком людей, спешивших впрячься в хомут, слился и Иван Петрович. С трудом втиснувшись в переполненный вагон электрички, он, стоя почти на одной ноге, вы-

шел через полчаса на нужной остановке, чтобы пересест в автобус, следовавший до самого места работы. Однако, до автобуса ещё надо было пройти минут 15, но в хорошую погоду – а погода сегодня стояла хорошая, такая прогулка была и приятна и полезна.

В автобусе ему удалось сесть на свободное место, что бывало не часто, и до своей работы он доехал с комфортом.

В прежние времена тоталитаризма, молодёжь уступала сидячие места в общественном транспорте пожилым людям, но сейчас, во времена полной и окончательной демократии, когда все равны, уступить место другому – значит ущемить свою свободу: можно было рассчитывать только на свободное место, хотя сам Иван Петрович, по привычке, ещё уступал своё место какой – нибудь ветхой старушке, которая еле стоит под равнодушными взглядами сидящих молодых, здоровых и окончательно свободных от всяких норм и правил, демократически настроенных людей.

Сидя в автобусе, Иван Петрович размышлял о своей работе в институте, куда он и направлялся.

II

В этот отраслевой институт авиации он поступил на работу около сорока лет назад, случайно, встретив в электричке своего однокашника, который и предложил перейти к ним на работу.

Отраслевая наука это изобретение советской власти, при которой всё народное хозяйство страны представляло собой единый организм. В условиях бюджетного финансирования всех отраслей и всех предприятий и организаций, предполагалось, что академическая наука делает открытия, а отраслевая наука находит применение этих открытий и достижений для конкретных отраслей, например авиации, и конкретных предприятий. За рубежом крупный бизнес финансирует перспективные исследования через университеты, при которых существуют лаборатории и целые институты, и эти результаты поступают только туда и тем, кто эти разработки финансировал. Не случайно, после уничтожения советской власти и передела собственности страны в пользу частных лиц, большинство отраслевых институтов самоликвидировались, а уцелевшие стали выживать за счёт подачек частных фирм, решая сиюминутные задачи этих фирм.

А тогда, в 70-е годы, отраслевые институты в СССР вполне успешно занимались научной деятельностью в интересах соответствующих министерств и ведомств и были под опекой специального комитета СССР по науке и технике, который полностью удовлетворял финансовые потребности этих научных учреждений. Остаётся только удивляться, как тогда в СССР на всё хватало денег, ведь этих отраслевых институтов было сотни в Москве и тысячи по всей стране. Работа в НИИ была достаточно престижной: хотя зарплата и была ниже, чем в промышленности, зато не было штурмовщины по

выполнению плана, и можно было заниматься научной деятельностью профессионально и с личной пользой. Например, защита кандидатской диссертации обеспечивала увеличение зарплаты в полтора раза и переход на более высокую должность. Поэтому в НИИ шли работать выпускники ВУЗов, которые надеялись найти своё место в науке. С другой стороны, в НИИ можно было работать спокойно всю жизнь: ни на что, не претендуя, и не имея никаких способностей, и сюда шли все, кто не хотел и не умел работать и таких было большинство. Всё сказанное, в полной мере, относилось и к конструкторским бюро, лабораториям и прочим учреждениям подобного рода, в которых, из каждых десяти сотрудников только два – три человека достойно выполняли свою работу, а остальные были на подхвате или откровенно бездельничали. Именно такие люди, ничего не делая, были всем недовольны и сыграли решающую роль в развале Советской власти, достаточно вспомнить всех этих младших научных сотрудников типа гайдаров и чубайсов.

Так и Иван Петрович, волею случая, но добровольно, поступил на работу в институт авиации, зная об авиации только как пассажир, да ещё со слов своих однокашников. Работа началась с ознакомления с институтом в целом, его задачами и своими служебными обязанностями. В институте оказалось более 1000 сотрудников, которые определяли как безопасно и эффективно возить пассажиров и грузы на самолётах и вертолётах поставляемых авиационной промыш-

ленностью СССР, поскольку иностранная авиатехника тогда не закупалась – это было бы позорно для страны, первой вышедшей в космос.

Институт решал, какие самолёты и вертолёты нужны стране. Авиапромышленность по этим данным разрабатывала и строила самолёты и вертолёты; институт испытывал и исследовал пригодность этих самолётов и вертолётов – далее они поступали в эксплуатацию, а институт определял, как их правильно эксплуатировать, когда и что с этими самолётами делать, чтобы они не ломались и могли безопасно летать. Всем этим потом пришлось заниматься и Ивану Петровичу, а начал он помощником ведущего инженера по эксплуатации новых самолётов, которые только что стали поступать в гражданскую авиацию СССР – в Аэрофлот. Эти самолёты летают и по настоящее время, уже около сорока лет: таков срок службы удачного самолёта – почти с человеческую жизнь. И как у человека, у самолётов тоже есть юность, зрелость и старение.

Сначала он с месяц изучал нормы и правила гражданской авиации, научные основы и практические методы проведения исследований авиационной техники, потом на два месяца был направлен в учебно-тренировочный отряд по практическому изучению самолётов, их документации и особенностей эксплуатации. Сдал экзамены и вернулся в институт готовым приступить к работе, но работы никто не поручал. Так прошло месяца три – четыре, но никаких реальных дел

никто от него не требовал. В этом, как пришлось убедиться потом, и заключается особенность работы в НИИ: рутинную работу специалист выполнит в разы быстрее и лучше, чем новичок, которому многое надо объяснять, контролировать, проверять результаты и т.д., в общем, одна морока. Именно поэтому, в отраслевых НИИ было много бездельников, так и не ставших специалистами – если сам не будешь искать работу, то никто заставлять не будет. Пришлось Ивану Петровичу настаивать, чтобы дали реальную работу и, в конце концов, такая работа нашлась: надо было ездить в командировки, чтобы оценивать состояние самолётов и определять, что и когда ремонтировать на этих самолётах.

Поездки совершались по своему усмотрению или по вызову с мест, если возникал какой-то вопрос. Надо сказать, что сотрудники института имели право на бесплатный пролёт к месту командировки и даже за границу – везде, куда летали самолёты Аэрофлота. И считалось большой удачей, если давалось разрешение проехать поездом: в Киев, Минск, Ригу и прочие близкие города, чтобы пожить вагонной жизнью. А если лететь самолётом, то можно было на выходные вернуться домой, чтобы в понедельник снова улететь туда же. Можно было придумать себе какую-то научную работу, включить её в план института и потом, по желанию, летать в командировки куда хочется, якобы для выполнения этой работы. Дополнительно, можно было летать в составе экипажа для снятия каких-то параметров работы систем самолёта в

полёте, тогда это время полёта засчитывалось как испытания в стаж лётной работы, предоставлялся дополнительный отпуск и через 15 лет инженер получал право на оформление лётной пенсии с 55-ти лет. В общем, условия работы в институте оказались очень благоприятные, а при наличии учёной степени ещё и высокооплачиваемые: именно поэтому, здесь было много представителей славного еврейского племени.

Но Ивану Петровичу тогда было не до сплетен и интриг, которые процветали в институте, как и везде, где было много бездельников: ему надо, наконец, становиться специалистом – возраст приближался к 30-ти годам. И что-то стало получаться. Через год интенсивной работы удалось самостоятельно выполнить и внедрить нужную авиации работу – это было замечено руководством отдела и ему предложили должность начальника сектора, что означало не только самостоятельную работу, но и наличие подчинённых. Правда сразу занять эту должность не удалось – пошли жалобы в партком: вот, только пришёл и его повышают, а рядом сидят люди, члены партии, которых не повышают много лет. Жалобщики даже не понимали что пишут: надо не сидеть, а работать, тем не менее, его повысили только до старшего научного сотрудника, а через два года стал и начальником сектора. Это было уже стабильное положение, возможность самостоятельно работать и главное, самому планировать работу и не зависеть от чьих-то прихотей. Иван Петрович так и остался в этой должности, но это был уже его личный выбор. Получив

самостоятельную работу, он оформился в заочную аспирантуру, стал пробовать писать научные статьи по материалам выполненных исследований, с намерением когда-нибудь написать и диссертацию. Работать в НИИ и не думать о диссертации, значит не думать о будущем. Как здесь говорили: учёным можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан.

В целом, 70-е годы оказались наиболее благополучными в его жизни, да, наверное, и в жизни страны тоже. Была квалифицированная работа с элементами творчества и научного поиска. Полученные результаты не лежались на полку, а внедрялись в практику, тем более что гражданская авиация СССР в эти годы развивалась ускоренными темпами, появлялись новые типы самолётов, в создании и испытаниях которых ему удалось принять участие.

Действующая пропаганда негодяев обзывает 70-е годы застоем в экономике, хотя какой же это застой, если производство в стране выросло за десять лет почти в два раза, по уровню жизни людей СССР вошёл в двадцатку стран мира, а по качеству жизни в десятку передовых стран мира и это не пропаганда, а данные ООН.

Качество жизни учитывает не только благосостояние, но и образование, медицину, уверенность в завтрашнем дне, отдых и другие потребности людей. Сейчас, через 20 лет после фашистского переворота 1991 года, Россия находится на 70-ом месте по уровню жизни, а о качестве жизни вообще говорить нельзя, если страна вымирает со скоростью около

миллиона человек в год. Это и есть настоящий фашизм, когда страну захватывает кучка проходимцев, организующаяся в класс воров, ростовщиков и чиновников, которые, под демагогические вопли о свободе и борьбе с тоталитаризмом, осуществляют геноцид всего остального населения страны. Особенность фашизма России в том, что властная группировка не считает себя частью нации, а Россия для них только объект грабежа. Недаром одним из первых действий демократов было принятие закона о двойном гражданстве и изъятие графы «национальность» в паспортах российских граждан.

Но вернёмся в 70-е годы. Застой, конечно, был, но не в экономике, а в людских головах. Люди считали свою жизнь неизменной: всё, что им давалось они воспринимали как само – собой разумеющееся, зато во всех недостатках ругали власть, чтобы она сама, без их участия, устраняла эти недостатки и улучшала жизнь.

Вот и Иван Петрович с семьёй: начинал без кола, без двора, зацепился в Москве, получил работу и скромное, но собственное жильё и некоторые перспективы в жизни. Подростал сын, который ходил в садик, хотя из-за работы и учёбы приходилось отдавать его на продлёнку – родственников никаких не было. Материально конечно было трудновато: зарплата небольшая, имущества никакого. Когда уже совсем стало туго, он съездил летом в отпуск на шабашку: организовал бригаду из инженеров и поехали что-то строить в сов-

хоз в Тверскую область.

Худо – бедно что-то построили, и заработали за полтора месяца как за три месяца на работе в НИИ. Кстати, многие сотрудники НИИ и КБ в те времена сделали шабашку основным своим заработком. Освоили специальности сварщика, монтажника каких-нибудь зерносушилок или доильных агрегатов и летом, за полтора-два месяца зарабатывали в деревнях больше, чем за год работы в своих НИИ. В своих НИИ они откровенно бездельничали, получая, впрочем, и квартиры и путёвки в санатории, как и те, кто усердно работает, а иногда и раньше этих работяг, завистливо ненавидя успешных специалистов и всячески хая советскую власть. Именно такие, несостоявшиеся инженеры и младшие научные сотрудники, подгрызли и опрокинули страну, как только предатель Горбачёв и негодяй Ельцин дали команду «фас».

И для сравнения. В 1990-е годы Иван Петрович был в командировках в Англии, в авиакомпании. Там, по ходу работ, познакомился с инженером. Разговорились. Англичанину было 35 лет, начинал тоже с нуля. После школы взял ссуду и учился в институте, после окончания которого выплачивал ссуду за учёбу в течении восьми лет, потом стали копить на жильё вместе с женой. Он говорил, что ещё года четыре – пять, будет некоторая сумма, они уедут в Австралию – там всё дешёво, купят квартиру или домик и заведут ребёнка. Жене его будет лет 35 – ещё не поздно. Так, где гуманней и справедливей была жизнь: в СССР 70-х годов или в Англии

90-х?

Через пять – шесть лет работы в институте, Иван Петрович уже состоялся как специалист в области эксплуатации самолётов. По результатам работ выпустил несколько документов, определяющих правила эксплуатации некоторых типов самолётов: были разработаны отраслевые стандарты, государственный стандарт СССР и настала пора заняться кандидатской диссертацией, чтобы получать достойную зарплату.

Доплату за учёную степень в СССР ввели ещё при Сталине, чтобы стимулировать занятия наукой и повышать квалификацию преподавателей ВУЗов. Многие должности в НИИ можно было замещать только при наличии учёной степени, да и в спорах по работе, когда не хватало аргументов, некоторые деятели ссылались на свою учёную степень, как на последний довод своей правоты.

Изначально предполагалось, что учёный или инженер, врач, педагог и т.д. занимаясь своей работой, получил какие-то новые результаты, имеющие научное и практическое значение, оформил эти результаты в виде диссертации и защитил эту диссертацию перед учёными, подтвердив тем самым свою квалификацию и самостоятельность своей работы. Со временем, всё это настолько забюрократили, что защита диссертации стала самостоятельным делом, иногда не имеющим никакого отношения к профессиональной деятельности диссертанта, которого называют соискателем учёной сте-

пени. А поскольку, к учёной степени прикладывались должность и зарплата, то многие именно их и жаждали, пытаясь получить учёную степень.

Например, в институте, выполняя свою работу, сотрудник решает какую-то задачу, оформляет отчёт по работе и внедряет полученные результаты в виде рекомендаций, инструкций, стандартов или даже приказов министра. Потом он может написать научную статью или использовать полученные результаты в диссертации, но это требует дополнительного времени, помимо основной работы.

Иван Петрович был уже ведущим специалистом, и рабочая текучка мешала усидчивой работе над диссертацией. Постоянно случались какие-то проблемы, которые требовали оперативного решения и выездов в командировки. А не дай бог случилось какое-то происшествие с самолётом, типа аварии, то проводится расследование с разработкой мероприятий по недопущению такого в будущем. Но если катастрофа самолёта, то это два-три месяца расследований и оправдательств.

Кто не имел такой текучки, мог спокойно брать научные отчёты других, сопоставлять, анализировать и обобщать результаты и в итоге получалась диссертация, а этот так сказать «учёный» мог ещё оказаться после защиты и твоим начальником. Так и говорится: списал у одного – это плагиат, списал у двоих – это компиляция, списал у нескольких – это диссертация.

Оставив сына на учебный год в родном городе у матери, Иван Петрович за зиму слепил диссертацию из выполненных ранее им работ. Закончив, он приехал за сыном, а заодно, отгулять отпуск и встретится с друзьями детства и юности в спокойной и размеренной жизни провинциального городка.

Однако эта жизнь оказалась не совсем спокойной. Однажды возвращаясь вечером от товарища, он был сбит с ног, ударом сзади, и жестоко избит ногами группой совершенно незнакомых ему молодых людей, впрочем, находящихся в подпитии. С трудом, ему удалось добраться назад к другу, который будучи заместителем районного прокурора, поднял на ноги всю милицию и к утру четверо напавших на него хулиганов были задержаны, а ещё двое успели скрыться из города.

Иван Петрович попал в больницу с сотрясением мозга и с повреждёнными, но чудом уцелевшими глазами, а хулиганы – в кутузку. В этой группе оказались родственники действующих милиционеров, поэтому, они и чувствовали себя безнаказанными: неоднократно нападали на прохожих и всё сходило им с рук, а с ним не получилось – знакомства Ивана Петровича оказались круче. Был суд, четверым дали по пять лет, потом нашли ещё двух участников – и тех в тюрьму. На суде, который состоялся без Ивана Петровича, обвиняемых спросили: «Почему Вы напали на него?» Ответ поражает своей простотой: нам его вид не понравился.

Приходили к Ивану Петровичу родственники и просили

простить хулиганов, но он их не простил. Разве можно простить немотивированное нападение сзади, группой, и избивание ногами? Иван Петрович ожидал второго ребёнка, и как бы ему жилось, если бы его отца убили ещё до рождения? И это не просто предположение. За год до этого случая, примерно также и там же был избит другой группой хулиганов юноша, который умер. У него не оказалось защитников и бандиты, имевшие родственников в милиции, отделались условными сроками наказания: якобы, тот сам упал, ударился и умер, а они его только пугнули. Впрочем, убийства в те времена были не часты: пять-шесть за год по району и в основном на бытовой почве. В нынешнее время – примерно в десять раз больше, хотя и милиции стало в те же разы больше.

Из этой истории получается, что уже тогда милиция начала отходить от законности и соблюдения прав граждан, превращая своё положение правоохранительного органа в орган захвата и охранения личных интересов милиционеров.

Здоровье любого государства определяется состоянием его правоохранительных органов: как бы они не назывались в ту или иную эпоху. Используя властные полномочия в личных целях, милиция России, постепенно превратилась в 90-е годы в наиболее опасную и массовую преступную группировку, которая неподконтрольна даже власти – такой же преступной как, и сама милиция.

В прошлом году, местоблюститель президента решил пе-

реименовать милицию в полицию – на защиту своего режима. С одной стороны, конечно, в полицейском государстве, каким стала Россия, должна быть обязательно и полиция, с другой стороны, преступники в мундирах останутся таковыми при любом наименовании, так как стоят на защите преступного и антинародного режима воров и предателей. Но тогда, в 80-е годы, всё только начиналось, и Иван Петрович ни о чём подобном ещё и не думал.

Подлечившись, он с сыном вернулся домой из неудавшегося отпуска – нужно и работать, и доделывать диссертацию, и организовывать защиту, и собирать разные справки и заключения.

Процесс подготовки к защите диссертации и сама защита – это отдельные процессы, не имеющие никакого отношения к науке. Подготовив диссертацию, надо её доложить на разных учёных советах, заручиться поддержкой дипломированных учёных, найти учёный совет, где согласятся принять твою диссертацию к защите, встать в очередь на защиту и собрать хорошие отзывы на свою диссертацию. Именно на эти процедуры и ушёл целый год.

И здесь у Ивана Петровича не обошлось без казусов, характеризующих и то время, и его действия: житейские и трудовые.

Осенью поехал в Ригу договариваться о защите. Доложил диссертацию вполне успешно и договорился о защите. На радостях, отметили успех в ресторане, а утром, вместе с при-

ятелем из института, поехали в аэропорт, чтобы улететь в Москву. В аэропорту добавили в буфете «Рижского бальзама», своим рейсом не полетели и уснули здесь же в зале ожидания. Проснувшись часа через два, он обнаружил, что портфеля с диссертацией и вещами нет. Обыскался кругом – нет и всё! А диссертация была в единственном экземпляре: напечатанная на пишущей машинке и с вручную вписанными формулами – поэтому восстановить можно было только по черновикам, а это большой труд и не факт, что получится то же самое.

Конечно, он расстроился и, кляня себя за легкомыслие и безответственность, пошёл на регистрацию оформлять билет – контрамарку на полёт до Москвы. Идёт он по пустому залу регистрации и видит посреди зала стоит портфель, который пассажирам приходится обходить. Подошёл и он, посмотрел: батюшки, да это же его портфель. Открыл – диссертация на месте, вещи тоже. Вспомнил, что сам его там и оставил, когда смотрел расписание рейсов, а потом забыл и ушёл.

На радостях они снова зашли с приятелем в буфет, а потом и в самолёт до Москвы.

Но что хочется отметить, кроме его собственной глупости? Портфель с вещами простоял в аэровокзале посреди зала два часа, и никто не заподозрил, что в нём может быть бомба, и никто его не взял себе и даже не рылся в вещах. А сейчас? Этот портфель сразу же взяли бы профессиональ-

ные воры, которые дежурят на вокзалах или службы охраны заподозрили бы, что в нём есть бомба от террористов и весь аэровокзал был бы эвакуирован, а портфель уничтожен.

Так, когда же было общество страха и насилия: то «тоталитарное» или нынешнее «демократическое»? Если верить пропаганде – то конечно тогда, а если верить фактам спокойной жизни людей в те времена, то конечно сейчас и именно сейчас люди живут в обстановке страха, насилия и разгула преступности, ограждаясь от них железными дверями квартир, решётками на окнах и запертыми подъездами домов. В советские времена преступники были, в основном, за решёткой. Теперь весь народ за решётками, а преступники на свободе.

Защита диссертации состоялась вовремя, а после защиты все документы направились в Москву в Высшую Аттестационную Комиссию (ВАК), которая и принимает окончательное решение о присуждении учёной степени.

И здесь началось нечто странное, но характеризующее нравы околонучного мира эпохи развитого социализма, когда наука была не только средством поиска истины и двигателем прогресса, но и кормушкой для различных группировок – так называемых научных школ. Эти группировки, часто занимаясь смежными проблемами, всячески дискредитировали других и продвигали своих, а Иван Петрович не принадлежал ни к какой группировке. И вот один учёный, решив, что кандидатская диссертация Ивана Петровича пре-

пятствует его будущей докторской диссертации, натравил на него свою группировку уже после защиты, хотя Иван Петрович, конечно, ничего об этом не знал.

Был организован донос в ВАК, там поручили эксперту разобраться с диссертацией, этот эксперт, из той же группировки, написал отзыв: якобы диссертация по названию не соответствует содержанию, и Иван Петрович получил вызов в ВАК для объяснений. Такой вызов означал фактически отказ в присуждении степени. Доказать там свою правоту за три минуты было невозможно, но ему удалось – помогла работа. Дело в том, что по материалам диссертации был разработан и введён ГОСТ, который закреплял его разработки на государственном уровне. Так в ВАКе он и сказал: вот ГОСТ, вот ещё десяток документов, которые он положил на стол: дадите степень или нет Ваше дело, а разработки внедрены и будут действовать независимо от решения ВАК.

В итоге его утвердили и выдали диплом кандидата технических наук, но сил и нервов это всё унесло много. А по – человечески вопрос можно было решить просто: позволить, сказать, так и так, Иван Петрович в названии диссертации переставил бы пару слов и проблема, как потом оказалось, мнимая, была бы закрыта. Но как говорится: «День, прожитый без подлости – пропавший день». Сейчас по такому принципу пытаются заставить жить всех, а тогда только некоторые лжеучёные, спекулянты, карьеристы и им подобные.

Уместно привести один случай, который произошёл года через два. Тогда на учёном совете презентовали двух сотрудников института к учёному званию ВАК на старшего научного сотрудника. Претенденты, оба евреи, вдруг начали обвинять друг друга в плагиате, что кто-то из них, у другого, списал какую-то разработку. Конфликт, с трудом, уладили, а позже, когда начали зачитывать их биографии, оказалось, что один из них по паспорту русский, а другой украинец. И один порядочный учёный, еврей и по паспорту, вслух заметил: «Я думал, что два еврея поссорились друг с другом и удивился, потому что среди нас – это большая редкость, а оказывается, что это русский с украинцем опять что-то не поделили. Обычное дело». Все присутствующие рассмеялись. И в этих словах очень большой смысл: евреи всегда заодно, а русские чуть что, так и разлад или донос, под который и угодил Иван Петрович со своей диссертацией.

После получения учёной степени Иван Петрович получил и медаль за работу по испытаниям самолётов, а через год получил и трёхкомнатную квартиру от института, тоже с некоторыми приключениями, но это уже детали.

Итак, через 20 лет после окончания школы у него были, наконец, и жильё и работа и семья. Конечно срок большой: на родине его друзья, если не злоупотребляли алкоголем, решали эти проблемы за пять-шесть лет, да и здесь москвичи устраивали бытовую жизнь лет за десять, но Иван Петрович не был в претензии – делал что мог и получил что хотел. Ка-

залось бы, спокойно живи, расти детей и умножай успехи в работе, но наступили подлые 80-е годы и всё пошло под откос. Идеи и практика строительства социалистического государства оказались в руках двурушников, во множестве заселивших руководящие органы партии и правительства, которые взяли курс на ликвидацию народного государства.

III

В начале 80-х годов началась чехарда с руководителями страны. Умер Брежнев, его заменил Андропов, умер Андропов, его заменил Черненко, умер Черненко, его заменил Горбачёв и всё это за три года, причём каждый следующий руководитель был хуже, а Горбачёв и вообще оказался предателем, разрушившим страну. Надо сказать, что России не везло на руководителей, а как говорит восточная поговорка: «Стадо баранов во главе со львом – это стая львов, а стая львов во главе с бараном – это стадо баранов». Вот такими баранами и были все советские руководители страны СССР после Сталина.

Из царей, реальную пользу стране принесли только Иван Грозный, Павел I и Александр III. Прославляемые ныне Пётр I и Екатерина II принесли стране больше вреда, чем пользы. Пётр I погубил треть населения страны. Ради Прибалтики, утраченной ныне, потерял выходы к Чёрному морю, разрушил уклад русской жизни, завёз иностранцев – захребет-

ников, и стал равняться на Европу, что делают и нынешние мартышки. Екатерина II хотя и вернула России Чёрное море, но закрепила крепостничество и разорила страну расходами на любовников и свои прихоти. Другие цари или были сумасбродами, или ничего не делали вообще – не руководили, а присутствовали, в результате Россия к 1917 году была захудалой и отсталой страной, терпящей поражение в ненужной ей войне – Первой Мировой.

Бездарных и преступных царей в феврале 1917 года сменили либералы, типа нынешних тимурки гайдара и чубайса, которые за полгода, под руководством Керенского, окончательно развалили страну, и Российская империя рассыпалась на куски, как и СССР в 1991 году, только эти куски в 1917 году не успели оформиться в независимые государства. Большевики подобрали власть в октябре 1917 года: именно подобрали, а не захватили, хотя и назвали это Великой Октябрьской Социалистической Революцией. Ленин опять объединил страну и воплотил мечту человечества о равенстве, отобрав в собственность государства всё, что приносило или могло приносить прибыль: заводы, фабрики, банки, торговлю, землю и её недра, оставив в собственности только личное имущество граждан. Сталин поднял страну из руин и за 30 лет своего правления сделал Россию мировой державой, но вот победить инстинкт собственности, стяжательство и нахлебничество и ему не удалось.

После Отечественной войны выросло целое поколение

людей в относительном благополучии, не знавших борьбы за выживание и уверенных в завтрашнем дне, который, конечно, будет лучше. Да и вся система Советской власти работала на благо людей, нужно было только совершенствовать эту систему власти и беспощадно бороться с врагами, а главными врагами были стяжательство и карьеризм. Представителями власти должны были быть лучшие люди, преданные своему делу и идеалам социализма, но шли во власть в это время уже не лучшие, а ловкие и беспринципные, которые во властных постах искали только личную выгоду, но не служили интересам дела.

К началу 80-х годов во власти и при власти оказались в основном недалёкие бездельники и скрытые проходимцы, единственной целью которых было только улучшение своей личной жизни, путём сохранения своего положения в органах власти. Однако само по себе пребывание в органах власти или руководстве предприятия тогда не давало ощутимых материальных благ. Всё ещё действовала тарифная сетка оплаты труда, по которой любой руководитель, даже министр, имел оклад, не более чем в пять раз, превышающий минимальную зарплату, которая составляла 80 рублей (нынче эту сумму надо умножить на 200). Конечно, путём премий и надбавок это ограничение обходилось, но не более чем в 1,5-2 раза. Сейчас министр может иметь до 30 окладов надбавок, да ещё больше премий, поэтому власть – это прямые доходы.

Депутаты тогда имели смешные доплаты за выполнение депутатских обязанностей, но только депутаты Верховных советов СССР и республик. Руководителю предприятия доплаты производились только решением по министерству, а по предприятию поживиться было нечем: ну квартиру получить по больше, ремонт сделать, небольшую дачку соорудить, вот, пожалуй, и всё, а остальное уже криминал – себе дороже выйдет. Положим, какой-то директор телевизионного завода – ну списал несколько телевизоров как брак, взял себе, родственникам и всё – продать-то негде, все магазины государственные, да и много брака нельзя – значит, не справляешься, с работы могут снять. Поэтому у многих руководителей было желание обменять власть на деньги, а ещё лучше иметь и то и другое и чтобы ни за что не отвечать – и таких оказалось множество: именно они и привели к смене общественного строя в стране.

А что же простые люди, которых большинство? Большинство, и Иван Петрович в их числе, молчаливо воспринимало жизнь как вполне благополучную. Конечно, хотелось улучшений и быстрее, сейчас и здесь – но только в виде разговоров, не больше. Не всегда можно было купить то, что хочешь немедленно, но потратив время, желание исполнялось. Из еды люди гонялись тогда только за деликатесами. Вот, статистика: в 1987 году, когда Горбачёв начал крушить страну – СССР, потребление на человека в год было: мясо – 64 кг., рыба – 18 кг., молоко – 320 литров. 2008 год: мясо – 43 кг.,

рыба – 3 кг., молоко – около 150 литров. Так, когда люди питались лучше, тогда в 1980-е годы или сейчас в 2 000-е? Ходила такая шутка в то время: «Никто ничего не делает, но зарплату получают все – все получают зарплату, но купить нечего – купить нечего, но у всех всё есть – у всех всё есть, но все недовольны – все недовольны, но никто ничего не делает» – дальше смотри начало.

Главное, что была уверенность в будущем. Этот оптимизм поражал иностранцев. В 90-е годы в командировке в Англии один инженер сказал Иван Петровичу: «Как Вы могли променять уверенность в будущем, на призрак быстрого обогащения всех и сейчас?» Ему ответить было нечего.

С экранов телевизоров сейчас внушают молодёжи, что в советские времена кушать было нечего и показывают пустые полки продовольственных магазинов, но это съёмки конца 1991 года. Или показывают очередь в магазин за водкой в 1986 году, но говорят что за едой и т.д. Наглая ложь идёт повсеместно, начиная от президентов до телевизионных шавок, типа Михалковых и прочих. Говорят, что одеть было нечего, кроме рабочих спецовок и опять ложь: народ одевался лучше, чем сейчас – именно народ, а не телетусовка, рублёвка и ей подобные поля чудес, выросшие, как поганые грибы, около всех городов. Кстати, за границей и сейчас, в большинстве, люди одеты хуже, чем даже в сегодняшней России.

Однако, была категория людей, которые и создавали трудности в покупке вещей и продуктов и успешно пользовались

этими трудностями в корыстных целях. Это работники торговли: магазины, базы и склады. Они искусственно создавали нехватку товаров, а потом, как говорили, «из-под полы» продавали эти товары с наценкой. Такой ханыга показан, например, в фильме «Берегись автомобиля». Этих людей было много, вот они и показывали остальным, как надо «уметь» жить. И когда предатели разрушили страну, все кинулись торговать, но оказалось, что так много торговцев не нужно. В СССР на двух работающих на производстве приходился один работник сферы обслуживания, куда включались и врачи, и учителя, и транспорт, а сейчас это соотношение с точностью до наоборот: как в любимой нашей властью Америке, но не всей, а только США.

Но вернёмся в 80-е годы. Пока наверху один генсек сменял другого, страна по инерции шла вперёд со скоростью 3% роста производства в год. В авиации это были годы наибольшего развития. Парк самолётов и вертолётов пополнялся новыми типами со скоростью 600 штук в год, а военная авиация получала до 500 (в 2008 – 14 штук, в 2009 – 47 штук). Готовилась и замена известных типов воздушных судов: ТУ-154, ИЛ-62, АН-24 и других на новые перспективные типы: ТУ-204, ИЛ-96, ИЛ-114 и другие. В их создании Иван Петрович принимал участие уже не как простой исполнитель, а как руководитель направления. Предполагалось, что с 1990 года начнётся массовое производство этих типов самолётов, что обеспечивало дальнейшее развитие граждан-

ской авиации СССР.

Тогда же он отметил своё сорокалетие. К этому времени он был вполне благополучный научный сотрудник, руководитель небольшого подразделения, кандидат наук, имеющий некоторый вес в научных авиационных кругах. Многие разработки были внедрены, имелись публикации научных статей.

Юбилей отметил дома, а также на работе с сотрудниками по работе. Торжества тогда устраивать было не принято, и обошлись дружескими посиделками в лесу у костра в окрестностях аэропорта и недалеко от института, что было удобно и для сборов и для разъезда участников. Стояла золотая осень, октябрь, очень тепло – более 20-ти градусов. Жарили шашлыки, пили вино, хвалили друг друга – всё как положено на юбилее. Сорок лет – это когда уже всё умеешь и ещё всё можешь: далеко ушло это время в прошлое, а кажется, было совсем недавно.

И здесь надо сказать о застольях с выпивкой, как о тёмной стороне жизни Ивана Петровича. Впервые вино он попробовал ещё в техникуме, лет в пятнадцать. В группе с ним учились вполне взрослые парни, отслужившие армию, которые жили в общежитии или на частных квартирах. И вот когда молодёжь приходила к ним в гости, то иногда предлагалось вино, а отказываться не принято: так потихоньку – помаленьку и пошло и вошло в привычку. Чуть где – какое мероприятие, так тут же и стакан портвейна, хорошо ещё, что не

водка.

Помнится, когда Иван Петрович начал работать, решили с приятелем попробовать коньяк: в книгах и в кино тоже, чуть – что так рюмку коньяка. С зарплаты купили хорошего коньяка, прямо в цеху разлили бутылку в две алюминиевые кружки, выпили залпом и закусили солёным огурцом. Такой коньяк ему не понравился и далее он употреблял исключительно вино, типа портвейна и вермута, или пиво.

Хорошо ещё, что курить так и не научился. Закурил классе в пятом, не понравилось, бросил и больше к курению не возвращался. Так бы и с выпивкой, но не пришлось, и втянулся он в бытовое пьянство. Пошёл на танцы в клуб – стакан вина, а то и больше, организовалась вечеринка – то же самое, и пошло – поехало. Иногда, случалось ему наклюкаться и до потери рассудка: хорошо ещё без последствий, ввиду спокойного характера. Хотя почему без последствий: если оба знакомства с будущими жёнами тоже произошли в компаниях и с выпивкой, это факт, а хорошо или плохо – дело другое. Бытовое пьянство: это когда раз или два в неделю человек употребляет спиртное – до лёгкой или средней степени опьянения. Вот и отец его, хороший врач, как оказалось, регулярно выпивал, заболел туберкулёзом и умер в 36 лет.

Иван Петрович прожил с выпивкой до 55 лет, когда решил, что нужно бросать это дело, если не хочет оказаться где-нибудь на помойке за ненадобностью. И всё получилось, главное, как сказал ему один знакомый врач, никогда и ни

при каких условиях не принимать ни рюмки спиртного и будешь жить спокойно. Потом, лет через пять, не раньше, можно в компании принять бокал шампанского за весь вечер, но ни в коем случае никаких крепких напитков. Сможешь так – и дело сделано. Иван Петрович смог, а вот многие его знакомые и друзья не смогли, и большинства из них уже нет на этом свете, а есть ли другой свет – это большой вопрос. Алкоголизм это не болезнь, а распущенность и слабоволие и только на рубеже постоянного и ежедневного употребления спиртного это является наркотической зависимостью.

Наступил 1985 год, к власти в стране пришёл Мишка Горбачёв, «меченый» – с родимым пятном на лбу: это, говорят, чёрт копытом ударил и сделал отметину, что это его человек. Дед его был кулаком в селе на Ставрополье, а отец добрался до председателя колхоза, устроил Мишу в 15 лет помощником комбайнёра на два месяца и затем представил к ордену. С этим орденом он и пролез в МГУ на юридический факультет, играл в самодеятельности в театре – так что актёр оказался ещё тот.

Вот бы и Ивану Петровичу орден за работу на кирпичном заводе или на уборочной в техникуме, глядишь и пошла бы масть, но не судьба, а «меченый» окончил МГУ и полез вверх по комсомольской и партийной линии, представляя собой полное ничтожество с задатками предателя. Кстати, на юристов и экономистов в те времена учились совсем ни к чему не пригодные люди: эти профессии были не пре-

стижные, особенно для мужчин.

Горбачёв – дурак, предатель и подкаблучник у своей жены, оказался во главе страны СССР. Но всё это выяснилось потом, года через три, а тогда почти все воспринимали приход «меченого» к власти с энтузиазмом: надоели старики у власти, хотелось встряхнуть страну и себя на дальнейшее развитие и улучшение жизни. Иван Петрович продолжал успешную работу в гражданской авиации, результаты внедрялись в отрасли, что приносило и моральное и материальное удовлетворение. Начал потихоньку работать над докторской диссертацией – материалов было достаточно.

Но в стране начались разброд и шатание. Дурака окружили проходимцы и предатели, кинули клич «больше демократии, больше социализма», выдвинули лозунги «Перестройка, ускорение, гласность» и под их прикрытием стали уничтожать справедливость, равенство и благополучие. Меченый ездил по заграницам и, под надзором своей жены, за похлопывания его по плечу, как равного, различными президентами и руководителями капиталистических стран стал сдавать страну и, конечно, социализм. На взгляд Ивана Петровича разница между капитализмом и социализмом, а вернее, между рыночным капитализмом и государственным капитализмом, который в СССР почему-то называли социализмом, заключается в следующем.

При рыночном капитализме каждый продаёт что может: одни свой труд, другие свою продукцию. Допустим, кто-то

начал делать мыло (дед Ивана Петровича, по отцу, одно время работал мыловаром). Начал в долг: написал расписки государству за то, чтобы разрешили, заплатил бомжу за собаку, которую надо варить на мыло, кому то ещё за дрова и за соду. Сварил мыло и получил пять кусков мыла. Три раздал за долги, один – плата себе за свою работу и один кусок остался – это прибыль, интерес – иначе, зачем этим заниматься. Так вот этот кусок мыла девать некуда – ни у кого из соседей нет средств на покупку. Можно ввести какие-то деньги, но их также хватит только на оплату труда и затраченных ресурсов, а вот на добавочную продукцию, которая и является прибылью, средств не будет, так как рядом такие же предприниматели, которые тоже хотят продать свою продукцию.

Выход один: обменять свой кусок мыла на что-то нужное или продать за границу своей улицы, посёлка, города, области, государства. А на вырученные средства купить что-нибудь или положить эти средства (деньги, золото, ракушки у туземцев и т.д.) в сундук и копить. Но вот этого мыла стало везде избыток, или ни у кого нет средств, чтобы его купить, тогда начинается кризис, это мыло никому не нужно и мыловарня закрывается. По этому принципу и существует рыночный капитализм. На добавочный продукт или прибыль нет затрат, а следовательно и нет в обществе средств на его приобретение людьми или предприятиями.

При государственном капитализме, который был в СССР, всё что приносит или может принести прибыль находилось

в руках государства, даже если эта собственность и называлась общенародной, а все граждане страны фактически являлись наёмными работниками у государства. Всю прибыль государство направляло на развитие производства, образование, оборону, медицину, жильё, пенсии и просто на улучшение жизни – что и происходило в СССР. Копить деньги государству было ни к чему, поэтому всё что производилось – то и расходовалось, и страна ни от кого и ни от чего не зависела. Поэтому, в странах рыночного капитализма периодически наступал кризис, а СССР постоянно развивался и, при этом, не производил никаких валютных накоплений: как сейчас говорят путиноиды, не было «валютной подушки безопасности» хранящейся за границей.

Многих высших руководителей СССР такое положение никак не устраивало. Как это так, распоряжаться всей страной, заводами, газетами, пароходами, как и «мистер – твистер» по Маршаку, и не иметь возможности что-то урвать для себя лично и родственников? Правда и ответственности за результаты своего руководства эти деятели уже не несли. Хрущёв показал, что можно творить любую дурость и уйти на отдых, только и всего. Вот если бы Хрущёва сняли и расстреляли за результаты его деятельности, вот тогда, может быть, и банда «меченого» не решилась бы на разгром страны СССР.

Чтобы уничтожить социализм, нужно было, чтобы народ перестал считать власть своей, далее вызвать недовольство действующей властью и заменить её другой. Начало положили ограничением продажи спиртных напитков в 1985 году. Из магазинов исчезли вино и водка и чтобы купить, например, бутылку портвейна надо было обойти несколько магазинов и отстоять в очереди несколько часов. Конечно, это вызвало массовое недовольство людей, да ещё и сильно ударило по бюджету страны – продажа спиртного приносила до четверти доходов бюджета. И сейчас, когда по телевизору показывают очереди и говорят, смотрите, люди в СССР стояли в очередях за продуктами, ничего не было в магазинах, то это ложь – показывают очереди за спиртным, а товары и продукты в магазинах исчезли только в конце 80-х годов, опять же стараниями банды «меченого».

Иван Петрович, чтобы тогда купить бутылку портвейна, сажился на велосипед, который специально купил, и ездил по городу в поисках магазина, куда в этот день завезли спиртное. Как-то он стоял в очереди, впереди какой-то мужичок хорохорился: «Ну меченый, ну устроил, чтоб ему провалиться и т.д.», потом мужичок постоял, помолчал и снова: «Всё, брошу пить, стану хорошо работать, меня наградят орденом и когда Горбачёв будет мне его вручать в Кремле, я дам ему по морде». Вот так, русский мужик, своим пытливым умом нашёл путь, как добраться до «меченого».

Кстати, в 1988 году, когда Горбачёв посещал завод в Омске, один инженер дал таки-ему по морде, а закона об оскорблении должностного лица тогда ещё не было и этот человек отделался наказанием в 15 суток за хулиганство. Сейчас, молодые люди заперлись в общественной приёмной Путина, где он никогда и не бывал, и стали требовать встречи с ним, их арестовали, и дали всем по пять лет тюрьмы – чуть ли не за терроризм.

Но в 1985 году всё ещё только начиналось, страна двигалась по инерции вперёд, и всё казалось стабильным. Вот и Иван Петрович решил своё стабильное положение улучшить защитой докторской диссертации и начал, в свободное время, на работе потихоньку подбирать и систематизировать материалы своих научных работ. Надо сказать, что дома он никогда никаких научных работ и вообще ничего связанного с работой в институте не делал. Бывало, иногда мелькнёт какая-то мысль, появится желание посидеть, подумать, записать, но это желание быстро перебивалось каким-то домашним делом: вынести мусорное ведро, сходить за хлебом или погулять с ребёнком и т.д., рабочее настроение проходило, а работать плодотворно он мог только по настроению.

Тем не менее, скоро черновик диссертации был готов и даже частично отпечатан на пишущей машинке – компьютеров тогда ещё не было. Чтобы довести дело до защиты докторской, было необходимо ещё 1,5-2 года, а в стране уже нарастал развал. Проводилось необоснованное повышение

зарплат, но товаров в магазинах больше не становилось и уменьшалось их производство, что в условиях стабильных цен приводило к дефициту товаров в продаже. Стали появляться пустые прилавки в магазинах, начала процветать спекуляция – всё это вызывало возмущение людей и их недовольство властью, что и требовалось для предателей Советской власти.

Тогда власть, якобы для заботы о людях, разрешила организовывать кооперативы для производства товаров народного потребления и оказания услуг населению: так один источник прибыли власть отдала в руки предприимчивых людей, которыми как всегда оказались, в основном, лица еврейской наружности. Началось первоначальное накопление спекулятивного капитала торговлей «из-под полы» дефицитными товарами и в кооперативах. Характерно, что первые кооперативы образовались на платных городских туалетах, куда за вход надо было заплатить 20 копеек, причём, на платную основу были переведены все городские туалеты, по принципу: деньги не пахнут.

Руководители предприятий получили право реализовать ненужное, как бы, сырьё и сверхплановую продукцию кооперативам, которые они сами же и организовывали из своих родственником и знакомых. Поживились и молодые проходимцы из руководства комсомола, которые организовывали молодёжные внедренческие центры, занимающиеся перепродажей товаров и научных разработок.

Однажды и Иван Петрович воспользовался услугами такого центра следующим образом. Сделал самостоятельно нужную работу, а оформил её выполнение через молодёжный центр, которому и были перечислены деньги за эту работу, а этот центр вернул деньги, за вычетом своей доли, как зарплату исполнителям, т.е. ему и подставным лицам. Вот и вся технология, а он получил больше, чем за пять лет работы в институте. Но он только один раз продал свою работу из диссертации, а другие продавали чужие работы и многократно: можно представить какие суммы государственных денег прокручивались таким образом.

Многим предприятиям, и институту в их числе, разрешили переход на хозрасчёт: когда работа выполнялась по договору в институте и можно прибыль делить между исполнителями. Таким образом, денег на руках у людей становилось всё больше, а вот тратить их было не куда – товаров в магазинах не было, а только на рынках и в кооперативах, которые всё скупали и перепродавали по так называемым рыночным, а точнее, спекулятивным ценам.

Однако, пенсионеры, врачи, учителя, офицеры и многие другие не имели возможности дополнительного заработка и стали стремительно нищать, требовали перемен, что и было нужно власти. Тогда, коммунисты у власти и во власти стали утверждать, что социализм в России себя не оправдал: лучше цивилизованный капитализм, как в Европе или в США – вот перестроимся и будем жить сразу лучше. Так и началось

предательство Горбачёва: от социализма к перестройке, от перестройки к рынку, а потом все будем жить прекрасно и удивительно при капитализме с человеческим лицом.

И вскоре, действительно, почти все стали жить удивительно, но не прекрасно, а безобразно, но это было потом. Горбачёв конечно предатель и дурак, но это тоже стало известно позже. Что предатель – это он сам говорит теперь, что его целью было уничтожить социализм в СССР, и он, как руководитель коммунистической партии тайно боролся против коммунизма. А дурак, потому что он надеялся уцелеть во власти даже после крушения СССР, но воры и проходимцы, сразу после развала СССР, выкинули и Горбачёва и теперь он рекламирует пиццу и сшибает подачки от Запада на бедность, хотя и не бедствует.

Конечно, тогда в СССР многие ещё не знали, что страной руководит предатель, но что дурак – уже было ясно всем. Перестройка на предприятиях началась с перехода на хозрасчёт, который для НИИ заключался в следующем. Раньше составлялся план научно-исследовательских работ (НИР) на пятилетку и на будущий год. Под этот план, НИИ получал бюджетное финансирование, которое покрывало все затраты на содержание НИИ, включая зарплату, технику, жильё, медицину и т.д., а институт отчитывался о выполнении плана НИР.

При хозрасчёте и том же объёме бюджетного финансирования, каждая работа плана НИР стала иметь свою цену, ко-

торая разбивалась по статьям затрат. Однако, фонд зарплат оставался прежний и было не важно, сколько ты сделал – все получали только оклад, в том числе и те, кто вообще никогда и ничего не делал, типа младшего научного сотрудника Чубайса, который числился в каком-то НИИ в Петербурге и приторговывал цветами у метро. Вот и у Ивана Петровича из шести подчинённых четверо были совершенно бесполезны и не пригодны к научной работе, но они приходили, отсиживали положенное время, выполняли какие-то разовые поручения и получали вполне достойную зарплату, впрочем, не зарплату, а содержание, потому что эта оплата не была ими заработана. А он, с двумя сотрудниками, делал всю работу сектора – так называлось его подразделение.

В отраслевых НИИ того времени были научные направления или отделения, которые делились на отделы по тематике, а отделы состояли из секторов, выполняющих конкретные работы. Если бы оплачивалась только сделанная работа, то вполне можно было бы обходиться меньшим количеством сотрудников, повышая оплату труда остальных. Но вот этого-то как раз и нельзя было сделать. Надо было оставить предприятиям фонд оплаты труда, но убрать контроль численности сотрудников и оплачивать конкретную продукцию, а не затраты на эту продукцию. Вместо этого, горбачёвцы в 1988 году сняли контроль государства за фондами оплаты труда и предприятия стали увеличивать оплату труда, не обеспеченную продукцией.

Появились лишние наличные деньги не обеспеченные товарами и услугами. Так и возник дефицит товаров. Люди получали деньги, но купить на них что-то было трудно, причём цены оставались низкие. Тогда власть горбачёвцев стала вводить талоны на мебель, телевизоры и прочее, которые распределялись по предприятиям, а где распределение, там и воровство. Так, к 1990 году дошли до талонов и на продукты питания, что конечно вызывало возмущения людей. Появились деятели, такие как Ельцин, которые справедливое недовольство людей направили на основы Советской власти, вместо увеличения производства товаров и продуктов.

Надо отметить, что и в тех условиях искусственных трудностей, каждый человек в СССР примерно в два раза больше, чем сейчас, потреблял продуктов, товаров и услуг. Вот такие нынче плоды демократии, поэтому и молодёжь сейчас, как и при царизме, становится низкорослой от плохого питания.

Биография любого человека в той или иной степени отражает события страны проживания: страна на подъёме и у людей открываются перспективы. Страна в упадке и разрухе и люди паникуют и начинают борьбу за выживание. Как говорит китайская пословица: «Не дай бог жить в эпоху перемен». Вот такая эпоха перемен наступила и в СССР, причём перемен к худшему: возврат назад, в прошлое, в отсталость.

Что такое капитализм, по сути? Это узаконенное государством право сильного – грабить слабых. Причём, сила эта

является не физической, а финансовой, денежной и главное, что она передаётся по наследству. Наследственное право капитала и является основным признаком капитализма, определяющим его хищническую сущность. Конечно, наследование имущества должно быть, но уж никак не в размерах обеспечивающих пожизненное, безбедное и безработное существование наследников. Каждое поколение должно добиваться благополучия самостоятельно, собственным трудом, но на основе развития данного общества – государства в прошлом.

Стимулом развития капитала является прибыль, выступающая мерой накопления капитала. Лишите частный капитал прибыли и права наследования и нет капитализма, как, впрочем, нет и стимулов развития производства, что для общества также является неприемлемым. Отсюда вывод: капитализм нужен и даже необходим, но единственным владельцем капитала должно быть государство, что и было в СССР. А всё общество – это наёмные работники, их семьи и люди, находящиеся на содержании государства, которые располагают только тем капиталом, или если угодно имуществом, которое не может, или правильнее сказать, не должно приносить личную прибыль.

Личная прибыль должна добываться только личным трудом, качество и количество которого и должны определять получаемую от труда прибыль – зарплату, выгоду – это уже, как и на чей вкус называть. Эффективность работы государ-

ства – капиталиста через нанимаемых обществом управленцев – менеджеров и определяет прибыль, получаемую обществом, накопление капитала и то наследство, которое данное общество, в целом, передаст следующему поколению.

Что такое наследование капитала? Это передача капитала потомству или родственникам. Пусть кто-то личными качествами или воровством, грабежом и иным способом стал владельцем состояния, заключающегося в личном имуществе, финансах и средствах производства приносящих прибыль. Его потомки унаследуют всё, и у них нет стимулов – развиваться самим и самим чего-то достигать. Это ведёт к деградации, обычно уже в третьем поколении данного семейства. Как пример, династия Романовых или Демидовы, Ротшильды, Форды и другие.

А если наёмные руководители общества – государства оказываются полными дураками или агентами других, враждебных обществ? Тогда, это общество ждут потрясения или даже разрушение, что и случилось с СССР. Но прозрение наступает, как правило, поздно и далеко не для всех. На сокрытие правды работает пропаганда, именно поэтому средства информации тогда и сразу оказались в руках проходимцев и предателей и людям стали усиленно вбивать в головы, что они не так живут, так больше жить нельзя, нужна свобода частной инициативе и прочее.

Надо сказать, что на какое-то время и Иван Петрович поддался этой пропаганде. А чем плох лозунг «Кто лучше рабо-

тает, тот больше зарабатывает»? В стране стали открываться кооперативы по производству некоторых товаров широкого потребления и оказанию услуг, но не было обеспечения этих кооперативов сырьём и главное, не ограничивалась прибыль этих кооперативов. Всё это вело к хищениям сырья с госпредприятий и неоправданному росту доходов кооперативов и откровенной спекуляции.

Общество стало очень быстро расслаиваться на богатых и бедных, правда богатых было ещё мало, а бедным пропаганда обещала тоже богатство, но потом – когда перестроим социализм. Народ требовал перемен и на этой волне к власти в России пришёл Ельцин – тоже предатель России, но и, как выяснилось позднее, горький пьяница. Конечно, окружение Ельцина знало его пороки, но они были готовы на всё, лишь бы добраться до государственной собственности и присвоить её любыми способами. Так, микроскопическая болезнетворная бактерия, попадая в организм, лишенный иммунитета, вызывает болезнь и гибель организма.

Советская власть последнего времени лишила людей иммунитета, а именно: борьбы за сохранение здоровья общества и его социалистических устоев с общенародной собственностью. Пропаганда перевёртышей постоянно твердила людям, что социализм в СССР победил полностью и окончательно, внутренних врагов уже нет, а с внешними врагами у нас мирное существование. А нет врагов, значит, нет бдительности и сопротивления этим врагам, и нет иммуни-

тета. Поэтому, так легко и быстро СССР и рухнул под напором врагов и предателей, которые не только оказались в наличии, но и в большом количестве, а в первых рядах этих алчных разрушителей страны оказались партократы третьего поколения «революционеров-ленинцев» и как всегда, в таких случаях, представители «богоизбранного» народа.

Оболганный Сталин и здесь оказался прав, когда говорил об усилении классовой борьбы по мере развития социализма. Именно поэтому предатели всех мастей с пеной у рта обличают Сталина, пытаясь оправдать своё предательство, потому что режим захватившей власть в стране стаи бешеных дворовых шавок понимает, что никакого захвата власти им бы не удалось, следуй страна путём Сталина. Ещё Крылов писал: «Ай, Моська, знать она сильна, что лает на слона». А мёртвого льва может укусить и шавка.

В 1988 году, руководство страны, взявшее курс на демонтаж социализма, для организации хаоса в экономике, протолкнуло выборность руководителей предприятий, когда коллектив предприятия, любого, сам себе избирал директора. Это привело к массовому проникновению на руководящие должности говорливых проходимцев, не имеющих ни способностей, ни опыта, но щедро раздающих обещания повысить зарплату, выдать блага, проявить заботу.

Естественно, люди поддавались обещаниям и выбирали себе в начальники не того, кто умеет и может руководить, а тех, кто больше пообещает. Так, в руководителях и оказа-

лись никчемные говоруны и обещалкины, которые очутившись во главе предприятий стали немедленно улучшать своё материальное положение, вместо обещанной заботы о предприятии и работающих на нём людей.

Пришло время горлопанов, которые за два-три года привели экономику страны к краху. Сейчас это очевидно, а тогда большинством людей и Иван Петровичем, в том числе, выборность воспринималась как путь в правильном направлении. Кто мог предположить, что человек рвётся к власти не ради дела, а ради стяжательства? Были, конечно, и прозорливые люди, но кто их тогда слушал? А какие люди пришли во власть тогда, можно увидеть на нынешних депутатов всех уровней, министров и чиновников. Серая активная плесень захватила все эшелоны и коридоры власти и стала пожирать страну. Так солитёр, поселившись в человеке, истощает его жизненные силы и может привести к гибели, не осознавая, что гибель организма будет и гибелью самого паразита.

А в целом, жизнь всё ещё протекала, почти, как обычно: только приходилось стоять в очередях – уже за самым необходимым. По телевизору показывали толпы младших научных сотрудников и общественных активистов, которые, под умелым руководством провокаторов, требовали перемен. Ещё транслировались заседания Верховного совета, где такие же активисты – депутаты ратовали за демократию и лучшую жизнь без коммунистов, которые как-то незаметно, все и вдруг, куда-то подевались.

Летом 1990 года Ельцин захотел ещё большей власти и затеял выборы президента России, но ещё в составе СССР. И хотя уже были известны факты прямого предательства Ельцина и его пьянства даже в зарубежных поездках, но демократическая пропаганда всё это замалчивала или объявляла выдумкой коммунистов.

Как-то днём у метро «Октябрьская» женщина раздавала предвыборные листовки и спросила Ивана Петровича: «За кого Вы будете голосовать?» он ответил, что ещё не определился – все не нравятся, а выбирать не из кого. И женщина сказала: «Только не за Ельцина. Если Ельцин будет президентом, то к власти придут евреи и стране конец». Он удивился: причём здесь Ельцин и евреи? Теперь выходит: зря удивлялся. Этот пример свидетельствует о тщательной дезинформации населения со стороны СМИ.

И здесь же, у метро, произошёл курьёзный случай. Какой-то рыжий еврейчик стал предлагать купить прыгающую лягушку-игрушку на резиновой груше. Давишь на грушу, воздух поступает по шлангу под лягушку и она подпрыгивает. У Ивана Петровича дети подросли, и игрушка была не нужна, но эпизод запомнился. Потом лет через пять он увидел этого еврейчика по телевизору – это оказался Абрамович, уже олигарх, миллиардер, владелец нефтепромыслов, шахт, заводов, пароходов. Мелкий спекулянт, украв, с помощью власти, общенародную собственность, стал символом этой власти, символом успеха, лицом демократической на-

ружности, которое пропаганда навязывает в качестве одного из идеалов «новой» России. То есть, ничтожество, посредством воровства превращается в столп общества, опору режима.

Однажды, в мае 2010 года, на одной из шахт в Кемеровской области от взрыва газа погибли около 90 шахтёров. Так вот, одним из владельцев этой шахты был Абрамович, но как виновник этой трагедии он нигде не упоминался. Напротив, это «уважаемое» лицо пользовалось почётом, и сам губернатор на одной из комиссий сказал: «Роман Аркадьевич, пересядьте сюда поближе, вам дует» (по-видимому, от кондиционера). Ещё бы! Не дай бог простудится Рома! А 90 погибших шахтёров это так, быдло, подземные нелюди, типа морлоков из «Машины времени» у Герберта Уэллса. И остальные олигархи того же пошиба: Фридман – спекулянт билетами в Большой театр, Прохоров – спекулянт джинсами и другие не лучше. «Во всём городе один порядочный человек – прокурор, да и тот свинья», – как говорил персонаж Н.В. Гоголя из «Мёртвых душ».

Потом, в августе 1991 года случился ГКЧП, который на самом деле был умелой провокацией, расчистившей путь ре-негатам и врагам к власти в стране. Этот ГКЧП ещё называют путчем, мятежом, но как сказал классик: «Мятеж никогда не бывает удачным. Удачный мятеж называют иначе». Именно поэтому, удачный мятеж Ельцина в 1993 году он и его последыши называют иначе: восстановление конституционно-

го строя и сохранение страны.

После ГКЧП, власть в СССР фактически перешла в руки Ельцина, а Горбачёв лишь номинально назывался президентом СССР. В декабре 1991 года тройка предателей СССР, а именно: от Украины – Кравчук, от Белоруссии – Шушкевич и от России – Ельцин собрались в Беловежской Пуще в Белоруссии и объявили, незаконно, о ликвидации СССР, что было встречено народами этих стран вполне равнодушно, под ликование всех и всяческих отщепенцев и так называемых демократов.

Навязанная народу демократия – есть ни что иное, как способ захвата и удержания власти, за счёт обмана и умелого манипулирования сознанием и волей большинства. Якобы выбранные, а фактически подставные властью, представители демократических органов, осуществляют в интересах этой власти угнетение большинства народа, через принятие множества законов в своих интересах и в защиту своей власти.

V

В декабре 1991 года, Иван Петрович попал в больницу. Видимо сказалось напряжение последних лет, угнетение сознания и неопределённость будущего, наложенные на нелады в семейной жизни. Новый год и переход к рыночной экономике, провозглашённый Егорушкой Гайдаром, он встре-

тил в больнице.

Уже в январе 1992 года капиталистическое мурло полезло изо всех щелей. Цены на товары и услуги сразу выросли в два-три раза и практически ежедневно стали повышаться, так что в 1996 году цены уже были примерно в десять тысяч раз выше дореформенных, советских. Батон хлеба, стоивший в 1991 году 25 копеек, в 1996 году стоил уже около пяти тысяч рублей. И так во всём.

Зарплату, власть Ельцина, кроме самих себя, никому повышать не собиралась. Бюджетное финансирование учителей и врачей, школ, больниц и прочих, оставалось на прежнем уровне, утверждённом ранее. И вмиг все стали нищими. В магазинах появились товары, но купить их было уже не на что. Сбережения людей тоже обесценились. Такой пример. В декабре 1991 года Иван Петрович получил гонорар за выполненную работу и на этот гонорар можно было бы купить две машины «Жигули» (если бы нашёл где их купить!), а в январе, через месяц, на эти деньги можно было купить только четверть авто и так во всём. Весь производственный, научный и созидательный труд стал ненужным и мало оплачиваемым, а востребованной стала спекулятивная деятельность, поощряемая властью проходимцев и воров.

Миллионы людей, бросив работу, занялись «челночным бизнесом» – это когда в одном месте страны или за рубежом что-то купить, потом привезти к себе, продать дороже, а разница и есть «навар». Везде возникали стихийные барахолки,

где в толчее люди продавали и покупали, называли эти базары рынком, а переход от созидательного труда к спекулятивной торговле был торжественно именован переходом к рыночным отношениям. Но занятие спекулятивной торговлей чуждо духу русского народа и требует специфических, наследственных качеств, которыми обладают, например, арабы, евреи и некоторые другие «торговые» нации.

Русские способны к созидательному, творческому труду, но не к торговле. Недаром около половины всех значительных мировых открытий в науке и технике сделано русскими или имеющими русские корни людьми. Да и прежде, русские купцы, как правило, не только торговали, но и создавали производство, а уж потом, продукцией своего производства и торговали.

В Советское время приоритет был полностью отдан созидательному труду, которым занималось две трети трудоспособного населения страны СССР, теперь всё стало наоборот. Заводы и фабрики, колхозы и совхозы продолжали работать по инерции, но зарплату платить было уже нечем – средств на поддержку производства, в условиях инфляции, стало не хватать. Предприятия в расчётах между собой и людьми перешли на бартер – натуральный обмен продукцией: я тебе утюги, ты мне самовары, а этими самоварами завод расплатится с рабочими, которые продав эти самовары (если смогут!) на базаре, купят себе еду и вещи.

Торговая стихия захлестнула страну, как прорвавшаяся

канализация заливает улицу нечистотами. Характерно, что первыми эта волна накрыла интеллигентствующую публику, требовавшую перемен, свободы и демонтажа Советской власти. И все эти «творческие» работники, научные сотрудники и инженеры неопределённых занятий, стали за кусок хлеба соглашаться на любую работу или прислуживать режиму по принципу лакеев: «Чего изволите?».

Переход к рынку в январе 1992 года Иван Петрович встретил в больнице. Уже через неделю кончились средства больницы, отпущенные государством на питание, и пациентов кормить стало не на что. Хорошо, что стал помогать «Аэрофлот», тогда ещё единственная и государственная авиакомпания, за счёт выручки от перевозок авиапассажиров. Но всё равно, питание в больнице резко ухудшилось и родственникам приходилось передачами поддерживать больных. Сейчас, конечно, это стало нормой, а тогда вызывало недоумение: как же так, в больнице и нет средств на питание больных? Впрочем, скоро стали заканчиваться и запасы лекарств, которые также стали предлагать больным покупать самим. Как говорится: «За что боролись, на то и напоролись».

И что интересно, всё это не вызывало активного сопротивления людей, а только недоумение, тем более, что власти во главе с Ельциным постоянно талдычили о временных трудностях и призывали немного потерпеть: скоро станет лучше, а потом будет совсем хорошо. Эти призывы слышатся и сейчас, через много лет после перехода к рынку, а фактически к

капитализму. Страна в разрухе, а призывы и обещания остались прежними.

В конце января Иван Петрович выписался из больницы, так и не определив причину своего попадания туда и с рекомендацией соблюдать диету, что было совсем не трудно, поскольку зарплата научного сотрудника превратилась в фикцию. Впрочем, скоро стали образовываться новые авиакомпании, которые нуждались в специалистах по организации своей деятельности, в том числе по эксплуатации воздушных судов и Ивана Петровича стали привлекать к решению этих текущих задач с прямой оплатой выполненных работ помимо института. Так и удалось сохраниться, как инженеру, без перехода в торговлю или ещё куда-то, но это была уже не научная и творческая работа, а решение сиюминутных задач, что продолжается и по настоящее время.

Научная работа его и большинства, оставшихся в стране учёных отраслевой науки, свелась к торговле своими научными разработками прежних лет, консультированию предприятий и решению их текущих производственных задач. И здесь возникает вопрос о собственности на результаты своего труда. Кто хозяин? В СССР всё было объявлено общенародной, колхозной или кооперативной собственностью, кроме личного имущества граждан. Как же стали решать вопросы собственности новые власти? А вот как.

После Беловежского заговора страна СССР была насильственно разделена на самостоятельные государства по наци-

ональному признаку. Была советская республика Украина – стало независимое государство: Украинская республика и т.д. – всего на обломках СССР образовалось 15 независимых государств, при этом, некоторые народы, будучи автономными образованиями в составе этих государств-республик не захотели в них оставаться, за что «демократические» власти этих новых государств, стали огнём и мечом принуждать эти народы к демократии и начались войны. Как говорил Ельцин: «Такая вот, панимашь, загогулина», а за этой загогулиной сотни тысяч убитых и миллионы изгнанных со своей земли людей.

Все эти новые (осколочные от СССР) государства сразу же объявили своей собственностью всё, что находится на их территории и первой это сделала Россия, во главе с Ельциным: всё что находится в России это государственная собственность России. Но сразу же, вся эта спекулятивная околельцинская свора стала вбивать в головы обывателей, что государственная собственность это общая собственность, а общая значит ничья, поэтому нужно чтобы у заводов и фабрик, земли и прочее были настоящие собственники и тогда от этой собственности будет эффект и польза.

Новыми собственниками были объявлены трудовые коллективы этих предприятий и колхозов – всё ваше, вот и распоряжайтесь. Фактически, всем бесконтрольно распоряжались руководители, которых эти коллективы себе и выбрали из активных «обещалкиных» и которые сразу же стали наби-

вать свои карманы. Те, кто был честным и мешал проходимцам обогащаться – тех изживали, вплоть до убийства. Сейчас, даже трудно представить, сколько было в те годы уничтожено и оболгано порядочных людей.

Потом прошло немного времени и молодые реформаторы во главе с Гайдаром, прошедшие стажировку в зарубежных центрах по уничтожению экономики России, стали вещать со всех экранов и газет, что распределение собственности по коллективам это несправедливо: рабочий стал якобы хозяином завода, а учитель стал хозяином учительского стола и указки. Тут же объявился, похожий на рыжего чёрта Чубайс – лицо экономической национальности, из той же своры младореформаторов, со своим девизом: «Больше наглости!» Если делить людей по способностям на категории: «способен – очень способен – способен на всё», то эти реформаторы и их кукловоды как раз из категории «способен на всё».

Чубайс со своими зарубежными хозяевами стали делить достояние России на всех поровну. В ценах 1990 года, якобы на каждого жителя России приходилось государственной собственности на 10 000 рублей. Вот на эту сумму была составлена бумажка под названием «ваучер» и каждый стал владельцем такой бумажки, но куда её деть? Вмиг образовались по всей стране ваучерные фонды, которые, под гарантии государства, собирали эти бумажки с обещанием купить на них заводы и фабрики и каждому выдать акции на эту сумму, но уже конкретного предприятия.

Собрав эти бумажки, государственные, якобы, фонды вдруг исчезли, испарились вместе с собранными ваучерами, а собственниками заводов, шахт, пароходов вдруг объявились Фридманы, Вексельберы, Алекперовы и т.п. Эти типы, украв ваучеры с помощью власти, стали реальными собственниками всего достояния страны. Правда и люди со спекулятивным опытом, скупая ваучеры по реальной их цене за бутылку водки тоже могли прихватить свой кусок. Так, директор магазина, оценённого в советских рублях в сто тысяч (это стоимость десяти трёхкомнатных квартир) мог скупить 10 ваучеров и оформить за них магазин в свою собственность, конечно, дав взятку за это нужному чиновнику.

Например, институт, в котором работает Иван Петрович, в 1996 году, под разговоры о приватизации, был оценен в 51 миллион рублей (а это здания, оборудование и около 30-ти самолётов), что по тогдашнему курсу составляло примерно 10 тысяч долларов США. Если бы приватизация состоялась, то вполне вероятно, что собственником института стало бы лицо авиационной национальности, типа Ваучерберг.

В результате трёхходовой комбинации лиц финансовой национальности вся государственная собственность России стала их частной собственностью, священной и неприкосновенной, хотя эти пауки в банке продолжают борьбу уже между собой за лакомые куски, отнятые у народа путём обмана и махинаций.

Чтобы отвлечь внимание людей, власть объявила о прива-

тизации квартир, в которых люди жили и которые и так были собственностью семьи: нельзя было только продавать. И вот, например, Иванов оформлял в собственность свою двухкомнатную квартиру на 4-х человек, а Березовский оформлял в собственность компанию «Сибнефть» (которую у него потом отобрал Абрамович), а в итоге почти все стали собственниками – такое вот равноправие.

В институте, при сокращении бюджетного финансирования, началась стихийная приватизация результатов работы НИИ за предыдущие годы и продажа этих результатов уже на коммерческой основе. У Ивана Петровича были собственные разработки, в том числе и проект докторской диссертации, которые он и продавал по договорам. Кстати этих результатов хватило ему лет на десять. Другие же продавали результаты работы института, оказавшиеся в их руках, поэтому в выигрыше оказались те, кто оформлял завершающие результаты научно-исследовательских работ.

Как и по всей стране, наверху оказались не те, кто сделал, а те, кто сумел прихватить, не те, кто умеет делать, а те, кому поручено. Но даже в этих условиях, численность работников НИИ очень быстро стала сокращаться и сейчас примерно в пять раз меньше дореформенной – советской, при этом, большинство лиц учёной еврейской национальности покинуло НИИ – стало и не престижно и материально не выгодно работать в НИИ. То ли дело, спекуляции разного рода и пошиба!

Поскольку, стали нужны конкретные результаты по конкретным самолётам, а Иван Петрович со своими сотрудниками занимался общими проблемами авиации и эти проблемы финансировались слабо, то в отделе стали раздаваться упрёки, что Иван Петрович со своими людьми живёт за их счёт. Тогда он написал рапорт начальнику института и выделился в самостоятельную лабораторию, а потом и в самостоятельный отдел и с лета 1992 года так и продолжает существовать экономически независимо. Однако, с развалом авиации объёмы работ сокращаются и у него из девяти сотрудников осталось пятеро, потом трое да и на них уже не хватает работы, а значит и достойной зарплаты.

Надо сказать, что командных должностей он никогда не искал и не стремился к ним, а достигнув уровня самостоятельной работы в должности начальника сектора, так и оставался им более 16-ти лет и только упрёки в иждивенчестве заставили Ивана Петровича организовать экономически самостоятельный отдел. В Советское время, главное было добиться самостоятельности в работе и, при отсутствии желания порулить в науке, разница в оплате труда руководителя низшего уровня с учёной степенью и руководства НИИ была несущественна.

Но в период разграбления страны всё изменилось. Руководство любого предприятия, независимо от формы собственности, стало выделяться в замкнутую группировку, которая отделяла себя от остального коллектива и устанавли-

вала себе доходы в виде зарплат и премий, которые в десятки и сотни раз, превышают доходы исполнителей. Это и есть присвоение результатов чужого труда – к чему и стремилась вся эта свора, так называемых, демократов. В 1992 году всё только начиналось и содержание руководства ещё не было таким обременительным, поэтому исполнителям удавалось зарабатывать и на себя и на «того парня»: на руководство и всяческие вспомогательные службы и их персонал. К сожалению, жадность не имеет ни границ, ни национальности и экономические хищники 1990-х годов кажутся котятками в сравнении с волками двухтысячных годов.

В таких условиях Ивану Петровичу приходилось жить и выживать, да ещё и состояние здоровья, как говорится, желало лучшего. После выписки из больницы продолжались проблемы с сердцем: аритмия и перепады давления. И здесь несколько слов о квалификации исполнителей вообще и врачей в частности. Более двух лет он лечился от проблем с сердцем, проходил всевозможные анализы и исследования, назначались различные лекарства и процедуры, но ничего не помогало, пока при очередном исследовании не обнаружись камни в желчном пузыре и нашёлся грамотный врач, который знал, что воспаление желчного пузыря может проявляться через сбои в работе сердца.

Понадобилось два года, прежде чем Иван Петрович натолкнулся на врача-специалиста и это ещё повезло. Тут же дали направление на операцию: нужно делать немедленно,

но он был не готов морально, дал врачу сто долларов и тот разрешил перенести операцию по усмотрению, но делать всё равно придётся – это не лечится. И тут в дело вмешался случай. Как-то, листая бульварную газетёнку, он натолкнулся на объявление о некоем средстве, которое лечит холецистит и растворяет камни. Решил попробовать, позвонил, а потом и подъехал и купил. Пропил эти капсулы месяц – почувствовал себя лучше, потом ещё месяц и пошёл, проверился: камней нет. Врач удивился: не может быть, но сохранились снимки – вот есть камни, а сейчас нет. Так, случайно он и вылечился, как оказалось на восемь лет, при этом курс лечения повторял ежегодно. А потом решил, что вылечился окончательно и перестал заниматься профилактикой – через полтора года болезнь вернулась, и операцию пришлось сделать, но это уже собственная вина: от самоуверенности, хотя врач-специалист и мог бы предупредить о необходимости профилактики. Да где его найдёшь специалиста?

Сейчас времена дилетантов. Если отставной подполковник руководит страной Эрэфией, министры имеют образование какое – угодно, только не по профилю своего министерства, а что творится внизу и какие там руководители и специалисты каждый знает по себе. Но ещё Крылов писал: «Беда, коль пироги берётся печь сапожник, а сапоги тачать пирожник». И вот такие горе-руководители сейчас повсеместно, мало того и исполнители частенько не имеют никакого отношения по своей специальности к выполняемому ими де-

ду. Никто же из нас не доверится врачу-окулисту выполнять операцию, например, на ноге, а вот если учительница руководит здравоохранением или инженер-автомобилист занимается конструированием самолётов, то вроде бы и ничего особенного – пусть попробуют. А отсюда и разруха в стране и наших головах.

Некомпетентность руководителей всех уровней, умноженная на их самоуверенность и неприятие предшествовавшего опыта, приводят к плачевным результатам в любом деле, так как и исполнители начинают действовать по примеру руководителей. Сейчас, всем приходится часто сталкиваться по работе с людьми, которым невозможно ничего ни доказать, ни убедить их никакими аргументами. Ответ один: «Ну и что, это было тогда, а сейчас не так», или ещё проще: «Я так решил и всё!»

Итак, поправив здоровье, Ивану Петровичу надо было поправить и материальное положение, так как зарплата в НИИ стала нищенской и многие специалисты уходили в торговлю, на стройки, в охрану и т.д., а оставшиеся, часто брали отпуска без содержания и тоже пускались во всяческие подработки, чтобы свести концы с концами. Но не всем это удавалось и некоторые спивались и опускались, благо водка стала самым дешёвым и доступным продуктом, а выпивка на рабочих местах стала регулярной и повсеместной. И это реальное достижение победившей демократии.

Как-то, идя утром на работу, он увидел рывшегося в му-

сорном баке бомжа и узнал в нём бывшего инженера из НИИ. Тот собирал бутылки и жестяные банки. Иван Петрович подошёл к нему и спросил: «Ну и чем тебе не нравилась Советская власть?» Бомж злобно повернулся, по-видимому, не узнал и вполне серьёзно ответил: «Свободы не было». Вот что значит пропаганда! Человек лишился при новой власти работы и квартиры, стал бомжом, опустился, но зато мог свободно рыться в мусоре и во всём винил прошлую власть, которая дала ему образование, достойную работу и жильё.

Впрочем, Ивану Петровичу встречались и другие, быстро сменившие свою работу в НИИ, школе или на заводе на свободную торговую спекуляцию или посредничество. Встретит такого, спросит как дела? – Отлично, есть прибыль, купил машину и прочее, да здравствует демократия. Опять встретит через год. Как дела? – Да никак, обманули, разорили гады, всё продал, чтобы покрыть долги, будь проклята эта власть воров и проходимцев. Ещё через год. Ну как? – Наладилось, зацепился, доход хороший, осанна этой власти: так и флюгируют многие в зависимости от того: удалось что-то оторвать себе лично или нет. Это было бы смешно, если бы не было противно.

Впрочем, Ивану Петровичу повезло, и долгое время удавалось обеспечивать семье приемлемый уровень жизни, не меняя место работы и специальность. По инерции ещё работали некоторые заводы, авиапредприятия и ОКБ и, выполняя их заказы в индивидуальном порядке или через свой

НИИ, можно было иметь приемлемый заработок, но без морального удовлетворения от такой деятельности.

Как говорится, счастлив тот, кто утром с радостью идёт на работу, а вечером с радостью возвращается домой. И так сложилось, что ни первой, ни второй радости Иван Петрович уже не получал.

На работе научная деятельность сменилась коммерцией по продаже знаний и опыта, а дома его встречала женщина, мать его детей, которая в мыслях и делах всегда имела, отличные от него, мысли и поступки. Как оказалось, он принадлежит к тем мужчинам, которые полностью разделяют библейскую заповедь: «Жена да прилепится к мужу своему». Но такого «прилипания», за долгие годы совместной жизни, у Ивана Петровича с женой не произошло, и причина уже не важна: важен результат. А результат такой – вместе живут совершенно разные и, поэтому, чужие друг другу мужчина и женщина, не имеющие никакой духовной близости, и связанные только общими детьми и бытовыми заботами.

VI

Так прошло начало 90-х годов, а в 1993 году, после фашистского переворота Ельцина, к экономическим и житейским трудностям добавился и психологический нажим со стороны средств массовой информации (СМИ), которые стали клеветать и обливать грязью наше прошлое. Трудно чело-

веку в 50 лет постоянно слышать и видеть обвинения в том, что мы неправильно жили, ни к чему не пригодны, ничего не умеем и годимся только в подмастерья к зарубежным специалистам.

В эти годы Иван Петрович как раз начал ездить за рубеж по делам авиакомпаний, которые приглашали его, именно как специалиста, и оплачивали поездку, его труд, да ещё и институту перечислялись деньги по договорам. Так ему удалось съездить в Англию, Германию, Мексику, Пакистан, Тайвань и он убедился, что наши авиационные специалисты не только не уступают зарубежным спецам, но и превосходят их по широте знаний, умению отходить от шаблонов и самостоятельностью мышления.

Их специалисты достаточно глубоко знают что-то в узкой области, но стоит отступить в сторону и они становятся беспомощны. Так, в Англии надо было установить заплатку на самолёт «Боинг», получивший это повреждение при столкновении с автомобилем на стоянке. В России на ремзаводе технологи бы за день сделали чертёж, всё просчитали, а исполнители бы за пару дней всё сделали как надо. У них же из Лондона схему повреждения отправили в США на фирму «Боинг», там за две недели сделали чертежи и технологии, переслали назад и здесь в Лондоне на таком же предприятии, как и наш ремзавод, лишь за две недели справились с этим несложным повреждением.

Другой пример. Обучался Иван Петрович в Москве на

курсах «Боинг» по эксплуатации самолёта В-757. Специалист от фирмы объяснял устройство одной из систем. В перерыве Иван Петрович спросил у него: «А какие отличия в этой системе от предыдущего типа В-737?» Специалист говорит, что не знает и надо спросить у специалиста по тому типу самолёта. Их инженер не знает, как было раньше и ему это неинтересно и ненужно. У нас же, наоборот, в советские времена, чем больше инженер знает, тем легче ему работать и принимать решения. И обычный наш специалист в авиации знает несколько типов воздушных судов.

Такое же положение и в других отраслях науки и техники. Да и по общему развитию, технический специалист за рубежом сильно уступает нашим, потому что всякие философии, истории, экономики и прочее, там, в университетах изучаются по желанию, а таких желающих очень немного. Такую схему обучения сейчас внедряют и у нас, чтобы опустить наших специалистов до их уровня развития, хотя и называют этот процесс реформами и улучшением образования.

И, раз уж коснулись иностранщины, то несколько слов об общих впечатлениях Ивана Петровича о западноевропейской жизни, которые не совпадают с глянцевыми картинками, показываемыми телевидением. Эти наблюдения относятся не к празднующимся туристам по улицам больших европейских городов, таких как Лондон, Гамбург и Франкфурт, а к техническим специалистам, с которыми ему приходилось сталкиваться по роду деятельности на авиаци-

онных предприятиях этих городов.

Рабочий день начинается в 5-6 часов утра и заканчивается в 2-3 часа дня. Чтобы рано вставать, надо рано ложиться, поэтому уже в 7 часов вечера в рабочих районах в квартирах почти нет огней – все уже спят, чтобы утром встать в 4 часа. Исключение: вечера в пятницу и субботу. Именно эти дни и показывают в западных фильмах. Правда клерки различных контор и банков работают, как и у нас с 9 до 18 часов и их называют «белые воротнички» в отличие от производственных работников, именуемых «синими воротничками». Стандартный отпуск всего две недели. Иммигранты, а по-нашему, – гастарбайтеры, работают только в ночную смену и на всяких вспомогательных работах.

Всё, что связано с развлечением и отдыхом в Европе очень дорого. Одеваются люди достаточно неряшливо и дёшево и никакая мода, среди тех с кем приходилось общаться Ивану Петровичу, не соблюдается. Книг на улицах или в транспорте никто не читает, как, впрочем, уже и у нас стараниями демократов осталось только бульварное чтиво. Кто-то однажды из писателей сказал, что если в стране много писателей – женщин, то это неблагополучная страна. А у нас сейчас одни Дашковы да Донцовы числятся в писателях.

В Европе царит культура «носовых платков» – это внешняя воспитанность, не подкреплённая образованием. Когда Ивана Петровича спрашивают, например, о культурных достопримечательностях различных городов и стран Европы,

он, обычно, достаёт иллюстрированный альбом Москвы, показывает там отличные снимки известных мест Москвы и спрашивает, так ли они выглядят на самом деле, например в дождливый осенний день? Конечно, нет. Вот и за рубежом, какие-то достопримечательные места, как правило, выглядят достаточно убого и невзрачно.

В Азии, где совершенно другая цивилизация, всё представляется достаточно интересно и своеобразно. Но жить русскому человеку ни в Европе, ни в Азии, достаточно неуютно, наш образ жизни, или как сейчас говорят менталитет, отличен и от тех и от других и нам не нужны никакие Евроазии. Дайте жить спокойно здесь и по-нашему, но ведь не дают, сволочи!

Большое впечатление произвёл на Ивана Петровича Тайвань, вернее, его история развития. Тайвань являлся частью Китая. В 1949 году коммунисты Китая изгнали с материка социалистов во главе с Чан Кайши, которые с помощью американцев переправились на остров Тайвань. Этот остров тогда был почти необитаем из-за жесткого тропического климата: только по побережью кое-где были поселения крестьян и рыбаков. Остатки армии Чан Кайши, около 3-х млн. солдат, высадились на юге острова, построили бараки и стали каторжным трудом создавать государство. Работали по 12 часов, как в фашистских концлагерях, да и условия жизни были тоже лагерные.

И так несколько лет. Потом построили какие-то предпри-

ятия, стали привозить женщин с материка, семейным выделялись комнаты в бараках, и постепенно жизнь налаживалась – при диктатуре Чан Кайши. Это продолжалось 30 лет пока государство Тайвань не встало на ноги и смогло начать улучшать жизнь людей. Сейчас Тайвань является передовым государством с высоким уровнем жизни населения, которого стало больше 20-ти млн. человек. Страна прошла через диктатуру и принудительный труд, чтобы люди начали жить достойно, а диктатор Чан Кайши почитаем после смерти, как отец – основатель государства.

В СССР Сталин сделал тоже самое, но без принудительного труда для всех, да и в лагерях сидело не более 3-х % населения, в основном, уголовники. И тоже, за 30-ть лет, используя энтузиазм людей, было построено передовое государство с достойной жизнью для всех и дальше эта жизнь должна была только улучшаться, но этого, после смерти Сталина, враги сделать не дали, страну разрушили, а самого Сталина оболгали и облили грязью клеветы и домыслов. Так, при схожих условиях и исполнении, два государства: СССР и Тайвань пришли к совершенно разным результатам для своих жителей, а виной этому враги – внешние и внутренние, которые и торжествуют сейчас в России. Преемники Чан Кайши продолжили его дело, а преемники Сталина предали его дело.

Но вернёмся к заграничной жизни. Интересны взаимоотношения родителей и детей. Везде за рубежом, забота о детях только до совершеннолетия, далее уже на коммерческой

основе. Чтобы взрослые сын или дочь просто так зашли в гости к родителям без их приглашения и там их покормили и дали денег – такого не водится. Учёбу и жильё дети должны обеспечивать сами. Однажды в Германии Иван Петрович сидел с немецкими специалистами вечером в ресторане, идёт выпивка и беседа и сосед – немец вдруг засобирался уходить. На его вопрос: «Почему?», отвечает, что он взял в долг у отца на постройку дома и сегодня как раз день очередного платежа отцу. Иван Петрович говорит немцу: «Ерунда, завтра ему отдашь деньги, отец ведь, подождёт». А немец не понимает: «Что вы, никак нельзя, он же мне дал под небольшие проценты и у нас отдать долг родителям даже строже, чем банку». А у нас забота о детях пожизненно. И такая разница во всём.

Вот и Иван Петрович, в отпуск приезжал к матери и привозил ей младшего внука на полное попечение. Сам отдыхал, а она возилась с внуком, ей за 70 лет, ему уже было за сорок, а всё равно для неё сыновья были детьми, за которыми надо заботиться.

Хаос в стране нарастал, и ездить в отпуск стало и некогда и накладно. Грабёж страны продолжался и представляется уместной следующей аналогия. Нашим трудом и трудом предшествующих поколений мы построили современный самолёт – нашу Советскую страну. Всё отлажено и этот самолёт – страна уже начал разбег, чтобы взлететь и подняться ввысь к лучшей для всех нас жизни. Но оказалось, что эки-

паж самолёта не имеет квалификации, а командир вообще не умеет летать, он обманом возглавил экипаж и имеет намерение не допустить взлёта. И вот на разбеге, когда двигатели работают на предельной мощности, чтобы взлететь, командир уводит самолёт с взлётной полосы, а сам выпрыгивает, в двигатели попадают грязь и камни, которыми являются предатели, мерзавцы и рвачи, двигатели ломаются, самолёт не может взлететь и по инерции продолжает двигаться по земле, впереди деревья, ямы и самолёт сталкивается с ними и начинает разваливаться на ходу на куски, пассажиры, вываливаются из обломков в грязь и на камни, калечась и обрывая свою одежду. А те, кто устроил всё это, они не пришли на этот рейс, сдали свои билеты и дождавшись катастрофы, теперь роятся в обломках, растаскивая и похищая багаж и личное имущество пассажиров пока те, кто уцелел, ещё не пришли в себя.

VII

Авиация, где работал Иван Петрович, и без всяких аналогий стала разваливаться. Производство самолётов почти полностью прекратилось, все авиазаводы вместе производили в 90-е годы всего по 10-15 самолётов за год, тогда как ещё в 1989 году было выпущено около 600 самолётов и вертолёт-ов гражданской авиации и около 500 военных, а доля советской авиации в мире составляла более 25%.

Но даже на эксплуатацию и ремонт авиационной техники, доставшейся от СССР, не было средств и его работа, как и большинства сотрудников института, стала сводиться к поддержанию стареющего и ветшающего парка самолётов и вертолётов. Исследованиями и испытаниями доказывалась дальнейшая безопасная эксплуатация самолётов, определялись условия такой эксплуатации и самолёты и вертолёты допускались к полётам сверх ранее установленных им ресурсов и сроков службы. Надо сказать, что советская авиационная техника и здесь оказалась на высоте и продолжает эксплуатироваться в течение уже 30-ти и даже 50-ти лет с момента изготовления. А имеющиеся аварии и катастрофы на 90 % являются следствием ошибок персонала и всяческих служб, а не из-за отказов техники.

Летний месяц отпуска 1995 года он провёл в городке на родине с сыном. Городок, ещё по инерции, жил прежней жизнью и надеждами, что всё образуется, но этим надеждам не суждено было сбыться. Как и везде, в провинции наступала безработица и нищета. Безработная молодёжь стала жить за счёт пенсионеров. Пьянство захватило большинство сельчан, появилось женское пьянство, что раньше встречалось крайне редко, и наркомания – явление прежде неизвестное. Надо сказать, что конопля, а по западному – марихуана, растёт в Сибири повсеместно: по обочинам дорог, в огородах, в полях и лесах. Поэтому, за «дурыю» ходить далеко не нужно.

Иван Петрович помнил, что в детстве они рвали в огоро-

дах коноплю, выбивали созревшие чёрные зёрнышки, и ели их не зная, что из конопли можно добывать наркотики. И мак рос повсеместно в огородах, и никто не делал из него наркотики. А теперь власть научила людей добывать наркотики, но запретила сеять мак в огородах и наказывает за коноплю, которая, кстати, продолжает расти повсюду, даже на улицах, но вот сорвал, посушил и у тебя нашли – отвечай по закону. Как всегда борются со следствием, а не причинами, которыми являются нищета и безысходность.

Появилось множество магазинов и магазинчиков, где прежние учителя и рабочие стали заниматься перепродажей и спекуляцией. В детстве, в их городке с населением в десять тысяч человек было не более десяти продовольственных магазинов и 2-3 промышленных и хозяйственных и всем хватало, не было очередей, кроме дней, когда поступали в продажу какие-то дефицитные продукты и товары, но это было редко. А сейчас, наверное, около сотни только продовольственных магазинов на то же население. И так повсеместно. Все торгуют, как и он в науке, и ничего не производят: так и образовалось в стране общество потребителей, а вернее торговцев и потребителей.

Очередной зимой, мать, которая продолжала жить одна в городке, сломала руку, поскользнувшись, когда набирала воду из обледеневшего колодца. Хорошо, что помогли соседи: топили печь, готовили и т.д., но дальше она уже не могла жить одна, и встал вопрос о её переезде. К нему, она ехать не

хотела – далеко, да и жить вместе она не соглашалась, а купить отдельную квартиру – они были не в состоянии. Тогда мать решила переехать к своему второму сыну, который жил в 200-х км на север от городка: но жить не вместе, а купить квартиру в обмен на свой дом.

Иван Петрович предложил, чтобы она дом не продавала и могла бы ездить летом на родину и жить в своём доме, а квартиру он ей купит, пусть подыщут – тогда квартира в городке стоила 4-5 тысяч долларов. Мать согласилась, но сделала по-своему: продала дом и купила квартиру рядом с сыном, которая освободилась только через полгода – мать не хотела никому быть обузой. Иван Петрович немного пожурил её, но дело сделано и ему стало некуда и не к кому приезжать в родной город трёх поколений: бабушки, матери и его.

Позднее, приезжая к матери, он по пути обычно заезжал и в свой городок на 1-2 дня, пройтись по знакомым улочкам, встретить знакомых детства: но всё это второпях и уже как турист, без родительского дома. А матери, через три года он всё-таки купил более удобную квартиру, где она и прожила остаток своих дней.

VIII

Середина 90-х годов стала кульминацией падения государства и общества. Правящая клика, не умея управлять, да и не желая своему народу, вернее не своему, а русско-

му народу, лучшей участи, заботилась только о собственном благополучии и стремлении удержать обманом захваченную власть, затеяла войну в Чечне, якобы для того, чтобы сохранить целостность России. Те, кто развалил СССР, разве могут что-то созидать? Эта война была организована, чтобы отвлечь внимание людей от их забот, и чтобы под шумок войны продолжать ограбление народа, сохранить власть и набить карманы. Как говорится: «Кому война, а кому мать родна».

Разве могло людям в СССР, даже в страшном сне, присниться, что на территории России будет идти внутренняя война с десятками и сотнями тысяч убитых и раненых людей? Конечно, нет, однако всё это случилось, а те, кто это организовал и исполнил, не понесли никакого наказания. Гитлера и его клику уничтожили, а вот Ельцин и его клика остались у власти и ельциноиды продолжают и править, и воровать. Воистину как сказал один из этой шайки проходимцев: «Россия ты одурела». При этом, гражданская война, по сути, в Чечне критикуется за якобы зверства русских солдат по отношению к чеченцам, тогда как превентивный ввод войск СССР в Афганистан, чтобы обезопасить границы и предотвратить ввоз наркотиков всячески поливается грязью.

Конечно, война в Афганистане могла быть предотвращена другими мерами, но она хотя бы имела достойную цель для всей страны, а не для своры ельциноидов, как война в Чечне. Однако, под грохот войны, Ельцину удалось остаться у власти и продолжить своё пакостное дело, а войну в Чечне

закончить полной капитуляцией – нет, не врагов-чеченцев, а своей собственной власти перед горцами. И куда делись пол-миллиона русских, проживавших в Чечне до войны, никого не интересует до сих пор.

После своей победы, чеченцы окончательно обнаглели, чем и дали повод наследнику Ельцина – Путину, чтобы закрепиться у власти, продолжить войну вновь. За эту, якобы победоносную новую войну в Чечне русский народ расплачивается до сих пор выплатами огромных сумм денег на восстановление Чечни и материальное обеспечение чеченцев. Что это именно так подтверждают бюджетные расходы России на содержание Чечни.

Сейчас мало кто знает, что в Великую отечественную войну многие чеченцы были за Гитлера, уничтожали русских, за что в 1944 году были всем народом, по приказу верховного главнокомандующего Сталина, высланы с Кавказа в Казахстан. Было выслано около 90 тысяч чеченцев. В 1957 году по указанию Хрущёва чеченцы смогли вернуться на Кавказ, но их стало уже около 150 тысяч. К прежней Чечне была добавлена от России ещё такая же территория, в том числе и город Грозный, и к началу ельциноидных чеченских войн число чеченцев ещё утроилось. Вот бы русскому народу такие результаты «репрессий» и войн.

Вторая половина 90-х годов так и прошла под канонаду чеченской войны и разграбление страны – России с распродажей всего и вся, что можно продать, хотя бы и за бесценок.

Вот и Иван Петрович, когда успешно, но чаще за бесценок, распродал свои опыт и знания, полученные и накопленные в прежней жизни в СССР. Каким-то чудом ему удалось удержаться от смены профессии и рода деятельности. Но поиски покупателей знаний и услуг уже не приносили никакого морального удовлетворения – это была уже добыча средств существования, никак не связанная с творческой научной деятельностью. И несколько слов о творчестве.

Ещё в царской России образованная часть общества ввела понятие «интеллигенция», под которым понимались образованные люди, занимающиеся профессионально умственным трудом, а именно: учителя, врачи, инженеры, писатели и почему-то: артисты, музыканты и художники. Интеллигенция выделялась как бы в особый класс общества в противовес сословным классам царской России, а именно: дворяне, мещане, крестьяне, духовенство и купечество. Отпрыски мещан или попов, получив образование, стали именовать себя и друг друга интеллигентами, самоутверждаясь выше своего сословия. Интеллигент в начальном значении это мыслящий, знающий, хотя если человек поёт, рисует или играет на скрипке, то почему он обязательно мыслящий?

Творчество присуще любой профессии и виду деятельности. Например, крестьянину, чтобы вырастить урожай, надо проявить никак не меньше творчества, чем музыканту играющему по нотам, или «художнику», нарисовавшему «чёрный квадрат» или «полёт равнина над Витебском». Тем не

менее, именно эти представители «свободных» профессий, не требующих ежедневного обязательного труда в коллективе предприятия по распорядку, стали считать себя истинной творческой интеллигенцией, признавая всё же, сквозь зубы, и техническую интеллигенцию: инженеров, учёных и конструкторов, занимающихся созидательным трудом, которым, в конечном итоге, и создана вся современная цивилизация.

При царизме, основная часть интеллигенции занималась пустым критиканством общественного устройства в своём кругу, однако, если кого-то из них призывали во власть, они ревностно защищали и укрепляли эту власть. Как говорил Ленин: «Они считают себя мозгом нации, а на самом деле они не мозг, а говно».

Но мыслящая часть этой «интеллигенции» всё же понимала необходимость совершенствования общества и его политического устройства для сохранения себя и своего потомства и, во многом, благодаря им был разрушен царизм, ликвидированы сословные и имущественные привилегии и каждый получил возможность свободного творческого развития при поддержке и социальной защите государства. Официально в СССР было два класса: рабочие и крестьяне, а интеллигенция, в том же составе, стала именоваться прослойкой (а надо бы прокладкой!).

Отпрыски рабочих и крестьян, имея в довоенном СССР свободный и преимущественный доступ к бесплатному выс-

шему образованию, выучившись, стали именовать себя интеллигентами в первом поколении, имея настрой на созидательный труд. Но их потомство, в основном, стало считать престижным только управленческую деятельность или свободные профессии, отрекаясь от своих рабоче – крестьянских корней, и считая, производительный труд не творческим и не престижным.

Мерой труда в обществе является его оплата, так вот, оплата труда артистов, журналистов, музыкантов и прочих подобных была в СССР такая же, как и токаря, слесаря, комбайнёра и даже ниже. Правда, мастера сцены, науки, искусства и управления имели достаточно высокую оплату своей деятельности, но должности и умение не передаются по наследству и их потомки опять вливались в основную массу интеллигенции имя которой – посредственность.

Посредственность, как плесень, занимает всё пространство – если с ней не бороться, губит всё живое и даже самую основу, на которой она паразитирует. Вот и в СССР, посредственная интеллигенция третьего поколения пронизала все поры государства, душила всё перспективное, подменяя стремление людей к творчеству и живому созидательному труду стремлением к материальному личному благополучию в ущерб и за счёт общества и государства. Под алчным напором интеллигентствующей плесени третьего поколения и образованщины, рухнуло государство СССР и все оказались в грязи и мерзости капиталистического мира наживы и ин-

дивидуализма: или всех грызи или лежи в грязи – вот современный девиз Российского потребительского общества.

С позиций потребительского общества всех людей можно разделить на три группы: творцы, посредники и потребители. Творцы – это те, кто создаёт реальную продукцию необходимую обществу. Посредник обеспечивает доставку этой продукции потребителю, который и использует её в своих целях.

Например, инженер создаёт автомобиль и организует производство, рабочий изготавливает этот автомобиль – они творцы; торговцы доставляют этот автомобиль потребителю и обеспечивают его применение – это посредники, а владелец автомобиля – это потребитель. Драматург пишет пьесу – он творец, артист в театре исполняет роль – это посредник, а зритель является потребителем. И в этом разделении нет ничего обидного или унижительного. Так, дети и старики, в силу возраста являются потребителями, но это не значит, что они нахлебники или паразиты. А вор, типа Абрамовича или квартирного грабителя, это потребитель – паразит в чистом виде.

В принципе с творцами и потребителями всё достаточно просто и ясно, а вот как с посредниками? С одной стороны они необходимы, хотя и не всегда, для связи творца с потребителем, а с другой стороны, излишнее посредничество нарушает связь творца и потребителя. Попробуйте ввести посредника между врачом и пациентом, между учителем и уче-

ником и что же получается: получается реформа здравоохранения и образования – как она сейчас выполняется, т.е. разрушение. Деньги выступают, как средство обмена для творца и потребителя, но если они становятся главной целью этого обмена, то разрушается и производство и потребление. Изготовление и оборот денег это функция государства, а передача функции оборота денег банкам и частным лицам – это паразитическое посредничество, называемое ростовщичеством.

Маркс назвал банковскую систему кровеносной системой экономики государства. Но если кровеносную систему организма разделить на кусочки, как частные банки разделили сферы влияния, то эта система перестаёт выполнять свои функции доставки органам питание и кислород и такой организм погибает. Так и частные банки, ставя своей основной целью наживу, приводят к гибели промышленность и экономику государства, если нет жесткого регулирования их деятельности со стороны государства.

Государство должно регулировать обращение денег, их количество, доступ производителя к этим деньгам, а также обеспечивать денежными средствами органы власти, армию, медицину, образование и нетрудоспособное население страны, что и является залогом существования каждого государства. Много денег – это инфляция и инсульт экономики от высокого давления денег, а мало денег – это анемия экономики, слабость и деградация государства, что сейчас и

происходит в России. Причём, в условиях нехватки денежных средств у производителей, одновременно идёт и инфляция этих средств, вызванная ростовщической деятельностью банков. Такой вот результат деятельности ельциноидов, паразитирующих на посредничестве между творцами и потребителями: в банковской системе, производстве и торговле.

Ростовщическая деятельность, а именно – ссуда денег под проценты и залог, осуждается всеми религиями, кроме иудейской. Иудеям и удалось навязать ростовщичество всему капиталистическому миру – как основное средство посредников для наживы и ограбления: и производителей, и потребителей.

IX

НИИ, где работал Иван Петрович, стал, в условиях отсутствия государственной поддержки, играть роль посредника между производителями авиационной техники и авиакомпаниями, продавая последним, знания и опыт своих сотрудников по обеспечению безопасной и эффективной эксплуатации самолётов и вертолётов гражданской авиации. Более того, в борьбе за своё существование, сотрудники НИИ стали придумывать и вводить различные ограничения на эксплуатацию авиатехники, типа техосмотров автомобилей, чтобы авиакомпании платили НИИ за снятие этих ограничений. Быть бы живу и уже не до государственных интересов, тем

более что и сама государственная власть в лице чиновников показывает пример в приоритете своих личных корыстных интересов над какими-то там государственными заботами. Лозунг современных ельциноидов гласит: «Государственное – значит ничьё, взять ничьё – это не украсть, а найти, находка – это не воровство».

Деятельность Ивана Петровича в НИИ, тогда и сейчас, свелась к контрактам с авиакомпаниями по предложению своих услуг и разработок прошлых лет: за соответствующую оплату через институт или лично, по трудовому договору. Прокормиться на такой деятельности удавалось, но личные контакты требовали и неформальных отношений, которые сводились к совместным застольям с обильной выпивкой и незаметно, он превратился в бытового алкоголика с почти ежедневными возлияниями, в том числе и на работе.

Иногда, ещё по привычке, он писал какие-то научные статьи и публиковал их по материалам прежних разработок, но в целом деградация личности шла полным ходом. Хотя внешне всё выглядело вполне пристойно, но в минуты прозрений ему удавалось заставить себя задуматься: а что же дальше, тем более что примеров спившихся в эти годы знакомых инженеров и учёных было достаточно. И вот, отметив своё 55-летие, он решил прекратить доступ к алкоголю раз и навсегда. Знакомый врач говорит: «Нет вылечившихся алкоголиков, есть непьющие алкоголики. Хочешь бросить пить – никогда и нигде не позволяй себе даже одного глотка су-

хого вина». Так он и поступил и, к счастью, соблюдает этот режим до сих пор.

Чтобы избавиться от соблазнов, надо было чем-то занять себя в свободное время. Иван Петрович решил подвести итоги своей научной деятельности в виде докторской диссертации. В авиационных научных кругах вполне доброжелательно отнеслись к этой затее, да и научный авторитет у него был. Нужно только написать саму диссертацию, да опубликовать несколько научных книг.

В наше время торжества частных интересов, над общественными, когда всё продаётся и покупается, издание научных или лженаучных трудов и книг не представляет никаких трудностей: плати деньги. Любое издательство сделает тираж любых, даже бредовых произведений эпистолярного жанра – только плати и, конечно, при условии, что в издаваемых опусах нет, как сейчас принято говорить, экстремизма, в виде нападок на частную собственность, демократию и животный эгоизм с призывами к их уничтожению.

Поскольку, деятельность Ивана Петровича в авиации была далека от критики общественного устройства, сложившегося в России, то собрав и систематизировав свои научные труды, он на свои деньги издал несколько книг, получил тиражи этих изданий на руки и бесплатно распространял эти книги среди своих знакомых на предприятиях и в ВУЗах. Потом из трёх книг он выбрал материалы, которые считал более отражающими его научную деятельность в авиации за

30 лет работы и, объединив всё это вместе, назвал докторской диссертацией.

Далее, пройдя все этапы организации и подготовки к защите, он успешно защитил докторскую диссертацию. Защита прошла как вполне обыденное событие: достаточно сказать, что его семья ничего об этом не знала, в день защиты, с утра, Иван Петрович был на работе и что-то делал, а после полудня поехал в университет и защитился.

Через полгода, получив диплом доктора технических наук, он стал дипломированным учёным. Конечно, всё, что им создано в науке, было создано до 90-х годов, в творческом возрасте от 30 до 45 лет и в годы Советской власти.

Создавать что-то новое в науке можно только до 40-50-летнего возраста, а далее идёт систематизация знаний и полученных результатов с целями их применения и популяризации, включая и учебные процессы при подготовке специалистов. А докторский диплом – это всего лишь бумажка, якобы подтверждающая квалификацию учёного. Почему якобы? Да потому, что сейчас, по данным Высшей аттестационной комиссии, которая выдаёт дипломы, до 50% диссертаций и соответствующих им учёных степеней покупаются лицами околонучной национальности, имеющими деньги или соответствующие должности. Они нанимают учёных, те делают диссертации, как дополнительный заработок к своей, часто нищенской, зарплате, организуют защиту этих «диссертаций» теми, чья фамилия указана на первом листе и кто,

потом получает соответствующий диплом учёного.

Сейчас среди чиновников, депутатов и коммерсантов сплошь учёные. Ну а какие они «учёные» на самом деле, показывает состояние дел в стране, в любой отрасли. Смотришь по телевизору: выступает доктор медицины, блондинка лет 30-ти, ей подпевает докторша экономики того же возраста, а их обеих опекает доктор политологии, но из депутатов Госдумы, и вот тогда понимаешь, что при таких «мощных» учёных будущее страны практически безнадежно, потому что поставить предел торжествующему невежеству и алчности просто некому.

Впрочем, у Ивана Петровича, после его «докторизации» ничего почти не изменилось. Отечественная авиация медленно, но верно идёт к своему концу, сокращается парк отечественных самолётов и вертолётов и объёмы работ по новым типам самолётов – значит, сокращается и участие института в этих работах.

Впрочем, администрация института и разные юристы-экономисты плодятся как грибы, пожирая заработанные инженерами средства, которые тем всё труднее и труднее удаётся зарабатывать. Так глисты, заведясь в организме животного, изнуряют и истощают его, приводя в конечном итоге к гибели. И так же, как глисты, эти менеджеры, юристы и прочие дилеры не в состоянии понять, что гибель организма будет и гибелью этих паразитов. И не исключено, что демократия воров заставит Ивана Петровича зарабатывать на

кусочек хлеба и каким-то другим способом. Уже начал, как профессор, понемногу читать лекции в ВУЗе, а там глядишь недалеко и до привратника или дежурного электрика – так работают некоторые его ровесники и однокашники.

Мотивация труда свободного человека состоит из двух частей: духовной и материальной. Духовная часть – это удовлетворение от сделанного: что-то создал, придумал, построил, вырастил или просто сумел и добился. А материальная часть – это зарплата, доход, которые позволяют достойно жить человеку и, зависящим от него, членам семьи и родственникам.

Зло капитализма в том и заключается, что духовная мотивация труда ликвидируется и лишь случайно и у отдельных людей она может появляться при совпадении их наклонностей и квалификации с фактически выполняемым, по найму или добровольно, трудом. В итоге, остаётся только материальный стимул – добывание денег или дохода в любой форме и любыми средствами, а ценность личности, при этом, определяется только величиной дохода, который в свою очередь, и якобы, определяет ценность и полезность труда, выполняемого этой конкретной личностью. Поэтому ростовщик – банкир по его доходу является ценной личностью, а учитель, инженер и прочие – это ничтожные людишки, судя по их зарплатам в лилипутинской Россиянии.

Ивану Петровичу в течении этих 20-ти лет удавалось поддерживать материальное благополучие семьи на вполне достойном уровне, в отличие от большинства знакомых инже-

неров, да, пожалуй и профессуры ВУЗов, но вот удовлетворения от своего труда, как прежде, уже нет. Да и как гордиться сделанным, если он видел, что его дело на нём и закончится уже через несколько лет? Один из деятелей нынешнего режима (Греф) так прямо и сказал, что надо забыть про авиацию: не можем мы делать хорошие самолёты так и не надо их делать, а надо покупать за границей. Конечно это ложь и отечественные самолёты не хуже американских «Боингов» и Европейских «Аэрбасов», что Ивану Петровичу удалось, кажется, доказать в одной из своих технических книг, но эта ложь является руководством к действию для чиновников, которые за взятки от иностранцев успешно разрушают отечественную гражданскую авиацию, вплоть до полного её уничтожения. А как это делается показано выше.

Сейчас власть на всех уровнях захвачена алчными проходимцами, а то и откровенными предателями и ворами с интеллектом «на уровне мусорного ведра», которые пожирают друг друга и страну в целом ради денег и материальных благ для себя и только для себя. Достаточно включить телевизор, как сразу же появляются на экране две мартышки, изображающие из себя государственных деятелей, и из их словесного поноса становится ясно, что ни страна, ни народ им не интересны и не нужны. Их цель – власть и деньги и чтобы побольше, и подольше, а для этого: надо лгать и обещать, обещать и лгать и так – без конца.

Насмотришься на этих «вождей», а вернее «вожаков бан-

ды» с лилипутскими мозгами, внешностью и замашками лакеев, душой предателей и патологической ненавистью к народам России, сочетаемой с преклонением перед «западной цивилизацией» и конечно нет никакого настроения на творческий и производительный труд. А вот «творческая» интеллигенция пляшет и поёт осанну всему режиму и каждому такому деятелю в отдельности. И встаёт извечный русский вопрос: «Кто виноват и что делать?», на который история уже однажды дала ответ, а именно: виноваты сами, а что делать – показал русский народ в октябре 1917 года.

Хочется надеяться, что весь этот кровососущий гнус будет сдут с России и у всех россиян будет и будущее и интересная жизнь, и достойная работа по призванию.

Автобус подъехал к институту и Иван Петрович, закончив философствовать, вышел из него и направился в институт делать опостылевшую и бессмысленную работу.

Х

Добравшись до НИИ, Иван Петрович выложил бумаги на стол, убрал принесённый с собой обед в холодильник и, усевшись на рабочее место, стал делать свою работу вместе с сотрудниками своего отдела, числом три человека, хотя два года назад их было пятеро, а три года назад – все семь. «Да, наши ряды пожидали», – подумал он и стал раскладывать свои бумаги. Уже несколько лет его работа заключалась в оказа-

нии практической помощи авиакомпаниям в эксплуатации отечественных самолётов некоторых типов.

Возникает какой-то вопрос, эксплуатант обращается к специалистам НИИ, а они, от имени института, дают ответ, что и как делать, чтобы и самолёт летал, и пассажиры не пострадали. Взамен каждая авиакомпания платила небольшую сумму за год вперед, чтобы Иван Петрович с сотрудниками получали зарплату и отчисляли деньги на содержание института. Но отечественных самолётов становилось всё меньше, соответственно и денег получалось меньше, отсюда и сокращение сотрудников, а к зарубежным типам самолётов, эксплуатирующимся в российских авиакомпаниях, их не подпускали: там изготовитель сам решал все вопросы с авиакомпаниями.

В общем, объём работ сокращается как шагреновая кожа, новые перспективные типы отечественных самолётов поступают поштучно в год, а при советской власти поступали сотнями в год. Да ещё аппарат управления в институте: всякие менеджеры, экономисты, юристы и прочие службы плодились как мухи, а зарплату им всем дай и хорошую – за счёт таких, как Иван Петрович и его сотрудники. Как говорится: «Один с сошкой, а семеро с ложкой». И так везде по стране. Смотришь, строится дом: 15-20 человек крутятся на всех этажах, а зайдёшь в контору, по-нынешнему офис, строителей – там сидит 30-50 всяких клерков. Недавно Иван Петрович прочитал, что на «Автовазе», в Тольятти, у генерального

директора имеется 50 заместителей: какие уж тут автомобили – не до них, с замами бы разобраться.

Но основная работа института заключалась в проведении техосмотров самолётов, чтобы разрешать им летать ещё, обычно на год, причём за каждое такое разрешение владелец самолёта должен заплатить институту и разработчику самолёта довольно кругленькую сумму. Такая работа не требует глубоких специальных знаний и высокой квалификации, но доход, как и при техосмотре автомобилей, приносит хороший руководителям и исполнителям, поэтому ей занимаются проверенные и приближенные к руководству лица, умеющие прятать полученные средства и делиться ими с нужными людьми. Другие, как Иван Петрович, да ещё и со своим мнением, не допускаясь к этой кормушке.

Однако, отечественных самолётов становится всё меньше, новых почти не делают и кормушка пустеет: уже виднеется дно этого корыта. А вот то, чем занимался Иван Петрович раньше и на чём он стал учёным: разработка, испытания и эксплуатация новых типов самолётов – было никому уже не нужно, ввиду отсутствия новых самолётов, соответственно, такие работы не финансировались и такие специалисты как Иван Петрович стали не нужны.

Но пока, какая – то деятельность ещё теплилась, продолжал свою работу в институте и Иван Петрович, попутно читая лекции в авиационном университете, как профессор. Конечно, ощущение своей ненужности, как и ненужности свое-

го дела, которому посвятил всю жизнь, и являлось тем угнетающим фактором, который давил на Ивана Петровича все последние годы его работы. Это бизнесменам – торгашам всё равно, что и как делать – лишь бы побольше денег поиметь любым способом, а он всё-таки какой – никакой учёный, и хочется сделать что-то новое и полезное людям да и стране в целом.

Выполнив кое-какие текущие дела и разобрав бумаги на столе, Иван Петрович обратился к мысли о поездке на родину, которая возникла у него ещё при пробуждении. Путешествие на родину всегда полезно и для здоровья и для очистки головы от гнетущих мыслей.

Сначала нужны авиабилеты. Включив свой компьютер, он вошёл в Интернет и нашёл рейсы авиакомпаний нужного направления. Рейсов было несколько каждый день, но цена билетов неприятно поразила: профессорской зарплаты едва хватало на билет туда-обратно. Был сезон отпусков, люди улетали и возвращались домой и авиакомпании взвинтили цены: благо никакого контроля и наказания за спекуляцию нет. Он посмотрел цены билетов на полёт за границу – слетать в Лондон обходилось гораздо дешевле, чем на такое же расстояние внутри страны. Конечно, в Лондон летают свои люди, а «дорогие россияне» могут и должны сидеть по домам.

Лет десять назад такая поездка на родину обходилась ему в десять раз дешевле, но инфляция и жадность «бизнесме-

нов» постоянно поднимают цены на всё, в том числе и на авиабилеты. Помнится, что лет 40 назад, во время учёбы в институте, ему хватало стипендии, чтобы слетать домой на зимние каникулы и вернуться назад.

Решив, что лететь сейчас дороговато, он посмотрел расписание полётов на сентябрь и обнаружил, что цена билетов уменьшилась на треть – это и есть рыночная спекулятивная экономика в действии. Спрос должен рождать предложение, но в Россиянии спрос порождает только спекулятивный рост цен при том же предложении товаров и услуг.

Поскольку, его поездка на родину была прихотью, а не необходимостью, Иван Петрович решил перенести её на сентябрь месяц: так было и дешевле и проще по работе.

Определившись с поездкой в сентябре, он, как и всегда, стал планомерно осуществлять задуманное: предупредил всех, кого считал нужным, о своём временном отсутствии в течение недели сентября месяца; завершил текущие дела, требующие его участия и присутствия; заказал и выкупил авиабилеты; подготовил дорожную сумку и необходимые в дорогу вещи – в том числе и тёплые на случай внезапного резкого похолодания, что часто случается в Сибири в сентябре.

XI

Наступил сентябрь и день отъезда. Иван Петрович пере-

дал kota на временное жительство старшему сыну, собрал вещи и вечером вышел из своей квартиры, поспешая в аэропорт. Так началась его осенняя поездка на родину.

Выйдя из дома, Иван Петрович направился к автобусной остановке. В свои деловые поездки или в отпуск, как сейчас, он добирался до аэропорта на общественном транспорте и самостоятельно. Можно было бы попросить сыновей довезти его до аэропорта на своих машинах, но привычка к независимости позволяла ему обращаться за помощью или услугой только в необходимых случаях. Кроме того, вечерняя поездка по Москве на авто в аэропорт могла сопровождаться часовыми стояниями в пробках и привести к опозданию на рейс. Поэтому, Иван Петрович сел в автобус, следующий до ближайшей станции метро – благо проезд для ветеранов ещё оставался бесплатным.

Был осенний тёплый вечер. Поток автомобилей в Москву уже иссяк, и автобус двигался резво, однако, встречная полоса движения из Москвы в пригороды была на километры забита медленно движущимися машинами. Общество потребления, создаваемое в стране реставрированного капитализма, навязало людям мифы о престижности частной собственности, в том числе о престижности владения автомобилем, как признаке успешности его владельца.

Поэтому, многие, часто в долг, покупали авто, которых становилось всё больше и больше и, наконец, улицы городов переполнились автомобилями, которые в утренние и вечер-

ние часы стали двигаться со скоростью пешеходов.

Престиж человека стал определяться не его личностью, а тем имуществом, которым он владеет: чем больше у человека вещей и средств – тем значительней их владелец. Человек при автомобиле заметен – наверное, он значителен, вот и бросились все покупать авто – более половины авто покупались в долг или рассрочку. Так и получается, что к среднему классу в стране относится не более 10% россиян, а авто есть почти у каждого третьего. Вот он проезжает мимо общежития коридорного типа – там люди живут семьями в одной комнате, а у общежития стоит целая стая новых автомобилей: на квартиру накопить честным трудом невозможно, а купить авто в долг можно, что многие и делают.

За этими его размышлениями, автобус подъехал к станции метро. Иван Петрович вышел из автобуса, спустился в метро, вошёл в вагон подошедшего поезда и сел на свободное место, поставив рядом на пол свою багажную сумку. Двинувшись от конечной станции метро, поезд на каждой остановке стал постепенно наполняться пассажирами, едущими с работы к местам ночёвки, потому что, для многих из них, место жительства стало только местом ночёвки, чтобы завтра, с раннего утра снова часами добираться до места работы.

Говорят, что счастлив тот, кто утром с радостью идёт на работу, а вечером с радостью возвращается домой. Какой ли-бо радости на лицах окружающих Иван Петрович не заме-

тил, как не замечал этой радости и на лицах спешивших вместе с ним на работу утром. Не было такой радости и на лицах владельцев автомобилей проезжающих наверху по улицам Москвы, хотя и считалось, что пассажиры метро – это люди уже более низкого ранга и все мелькающие на телеэкранах лица всячески подчёркивают, что не спускались в метро уже много лет и не знают стоимости проезда.

В прежние годы тоталитаризма, как учит всех телевидение, по крайней мере, половина пассажиров метро во время поездки читали книги или газеты. Сейчас читающий пассажир в метро уже редкость, зато много играющих на мобильных телефонах или планшетах в какие-то замысловатые, но пустые и бесполезные игры, или иступленно разгадывающих кроссворды примитивного содержания. Люди раздражены, напряжены и по любому поводу готовы взорваться неспровоцированной яростью и бранью.

Сидевшая напротив подростковая парочка откровенно обнималась, держа в руках по открытой жестяной банке энергетического напитка – аналог наркотика, но как бы и не наркотик.

Доехав до конечной станции метро, Иван Петрович вышел наверх и пересел в автобус, следовавший в аэропорт «Внуково». Был уже поздний вечер и до полуночного вылета оставалось около двух часов. Дороги опустели, и через двадцать минут он подъехал к аэропорту. Огромное здание аэропорта представляло причудливое нагромождение метал-

ла, стекла и спящих около него автомобилей и людей. Фактически, это был целый город под одной крышей, живущий своей обособленной жизнью. Дело в том, что авиацией, в силу её дороговизны, пользуется ограниченное количество одних и тех же пассажиров: это предприниматели, торговцы и прочие менеджеры, которые летают по своим делам или на отдых за границей.

Посетители аэропорта были, в основном, молодые раскормленные мужчины и женщины, жизнь которых удалась – так они считали. Случайные пассажиры, типа Ивана Петровича, терялись в толпе этих успешных завсегдатаев неба.

До торжества демократии и частной собственности состав авиапассажиров был совсем другой. Это были командировочные, студенты и отпускники, а также те немногие, которых в полёт позвало несчастье с родными и близкими. Иван Петрович тогда тоже ежегодно летал один или с детьми в отпуск к матери – туда же куда он летел и этот раз – билет ему, как работнику авиации был бесплатный, а ещё на одного члена семьи билет был за полцены.

Всё было тогда продумано: в аэропортах не было ничего лишнего и никакой торговли, кроме общепита, сувенирных и газетных киосков, потому что в той стране – СССР действовала только одна авиакомпания – «Аэрофлот», а цены на билеты устанавливало государство и эти цены не менялись десятки лет. Государство само заказывало и строило самолёты, которые бесплатно передавались в аэропорты страны

– авиапредприятиям, которые снабжались топливом для самолётов и всем необходимым для обеспечения полётов.

Самолёты летали, приносили прибыль, частью которой авиапредприятия и расплачивались с государством за эти самолёты, топливо и оборудование. Поэтому и самолётов было много – своих отечественных и новые поступали в авиапредприятия постоянно, а устаревшие самолёты списывались – летать было безопасно, и о террористах никто не слышал.

Четверть всех пассажирских самолётов в мире тогда выпускалось в СССР, сотни в год, а сейчас несколько штук, поэтому приходится летать на устаревших, ещё советского производства самолётах или покупать американские и прочие иностранные самолёты. Такой стала страна, которая первой вышла в космос и имела мощную авиационную промышленность.

Килограмм нефти стоит меньше доллара, килограмм автомобиля – 10 долларов, килограмм самолёта – 1000 долларов, а килограмм космической продукции стоит 10000 долларов. Так что выгоднее производить: нефть или самолёты? Кому как. Народу конечно лучше делать самолёты: и работа многим, и квалификация, и зарплата. Хапугам – демократам, конечно, лучше качать нефть миллионами тонн за границу: хлопот меньше и деньги сразу остаются за границей – потом и сами убегут туда же.

И о террористах: войдя в здание аэровокзала, Иван Петрович сразу включился в процедуру досмотра и проверок,

как если бы страна находилась на осадном положении и кругом враги, шпионы и прочая нечисть. На входе его самого и сумку просветили рентгеном, затем он зарегистрировался на рейс и прошёл в зал досмотра, где его и багаж проверили уже окончательно, для чего пришлось снять верхнюю одежду до брюк и рубашки, разуться и показать все личные вещи. Ничего подозрительного у него не нашлось и, одевшись, он был пропущен в зал ожидания, где и стал ожидать вызова на посадку, размышляя об унижительных процедурах проверки.

В Древней Греции слово «демос» означало «народ», но под народом понимался только класс свободных рабовладельцев, потому что неимущие: толпа, чернь – назывались «охлос». Кратия – означало власть и дословно «демократия» – это власть рабовладельцев. В современных условиях демократия – это власть собственников над наемными работниками.

Демократия при частной собственности на средства производства, есть власть владельцев собственности над остальным населением, которое такой собственности не имеет. Эта власть, как и собственность, захватывается обманом или силой. Собственники, составляя меньшинство, принуждают остальных людей работать на их частную собственность или идти в услужение, чтобы обеспечивать им комфортную жизнь и защиту их частной собственности – фактически это экономическое рабство. Как от него избавиться? Вернуть собственность тем, кто её создает – трудящимся, но не кон-

кретным людям, а всему обществу в целом, ибо передать конкретным людям, значит создать новых собственников – паразитов. Так создавалась и действовала Советская власть при Ленине – Сталине, а потом деградировала, усилиями выродков.

Вся собственность тогда принадлежала государству, кроме личного имущества граждан и результатами использования этой собственности обеспечивались все, кто трудится, а также старые и малые. Государство управляло собственностью через чиновников и управленцев, которые руководили заводами и фабриками, школами, больницами, магазинами и всем-всем, где люди за свой труд получали зарплату. И условия жизни всех и каждого в отдельности в стране Советов медленно, но неуклонно улучшались.

Но чиновников и управленцев не устраивало их положение, когда нельзя воспользоваться результатами деятельности руководимых ими предприятиями в личных целях и кроме высокой зарплаты, никаких серьезных привилегий нет. Тем более, нельзя передать свою должность по наследству, как в странах капитала. Тогда и начались разговоры, а потом и пропаганда о неэффективности социализма: общая собственность – значит ничья, будет хозяин у каждого предприятия, он им распорядится лучше и всех обеспечит.

Так, рвачи и предатели начали разрушение страны, а Иван Петрович, как и все остальные, молча наблюдал за этим, поддаваясь пропаганде. Хозяевами предприятий, ренегаты из

руководства страны, объявили их коллективы, которые стали сами выбирать себе руководителей, конечно из числа тех, кто больше обещал и эти «обещалкины» очень быстро разрушили всё производство. Стала ощущаться нехватка товаров и продовольствия, народ стал требовать перемен и на этой волне власть захватили предатели типа Горбачева и Ельцина, которые в итоге, со сворой прихлебателей, развалили страну СССР на куски, а в куске под названием «Россия» всю государственную собственность передали в руки ловких проходимцев и спекулянтов известной национальности.

Но мало захватить собственность – надо её удержать, потому что многие стали понимать, что их нагло обманули, ибо сказано: «Можно долго обманывать некоторых, можно некоторое время обманывать всех, но невозможно долгое время обманывать всех». Люди стали требовать возврата захваченной обманом собственности назад государству, а значит им всем, но кто же добровольно отдаст украденное, да и государство стало уже другое, не советское: оно стало на защиту новых собственников. Президент Эрэфии так и сказал: «Пересмотра итогов приватизации, – так они назвали ограбление народа, – не будет».

Всех, кто требовал возврата народной собственности, пропаганда лже-демократов стала называть экстремистами и даже террористами. К тому же, многие, не видя выхода из своей беспросветной жизни, стали на криминальный путь, грабя и убивая новых собственников, но чаще уничтожая ни

в чём не повинных людей. Вот для защиты от таких бандитов – террористов и стали применяться различные меры защиты: в домах и квартирах ставились железные двери и решётки на окнах, на вокзалах и в аэропортах стал производиться досмотр пассажиров и багажа, в транспорте о забытых вещах надо сообщать водителю – вдруг это бомба!

Милиция-полиция из органа охраны общественного порядка превратилась в орган охраны новых собственников и подавления протестов населения, попутно занимаясь криминальным промыслом: обкладывая данью тех же собственников, охраняя их только за деньги или занимаясь различного вида поборами с автомобилистов, мигрантов и уличных торговцев. Вот и приходится в аэропортах раздеваться и просвечиваться: даже бутылку воды нельзя взять с собой – вдруг это не вода, а взрывчатка или какая –нибудь отравка. Раньше преступники сидели в тюрьме, а люди жили на свободе – теперь всё население за решётками домов и зон контроля, а преступники, укравшие целое государство, на свободе и под охраной власти, которую они сами себе и устроили.

Объявили посадку на самолёт и Иван Петрович, вместе с другими полуночными пассажирами, пошёл к выходу на перрон, там погрузились в автобус, который подвёз их к трапу самолёта и, после небольшой заминки у трапа, он прошёл в самолёт и сел на своё место, поставив сумку под сидение кресла.

Устроившись, он огляделся. Это был американский само-

лёт, марки «Боинг», далеко не новый и, наверное, взятый в аренду у какой-нибудь европейской компании, которая купила себе новые самолёты, а старые отдала в отсталые страны, какой стала и Россия. Покупать новый самолёт, рассчитываясь полностью за его стоимость в десятки миллионов долларов, сейчас мало кто может себе позволить. Обычно самолёт берется в аренду с правом выкупа: самолёт летает и приносит прибыль, частью которой и расплачиваются за этот самолёт. Так, за 5-10 лет самолёт выкупается полностью, а кредит на постройку самолётов, обычно беспроцентный, даёт государство Изготовителя: для Боингов – это США.

Но российское государство таких кредитов авиазаводам не даёт, поэтому самолёты строить не на что, соответственно, и продавать нечего, кроме нефти, вот и стали россияне летать на иностранных самолётах.

Рядом с Иваном Петровичем уселись двое жирноватых молодых людей, с ноутбуками и в золотых перстнях, которые тут же стали обсуждать какие-то закупки и продажи чего-то и свою выгоду от этих действий, не обращая внимания на посторонних.

Эта бесцеремонность тоже примета времени. Раньше деловые вопросы обсуждались только среди участников дела, а сейчас на улице, в транспорте или магазине люди по сотовому телефону во весь голос обсуждают дела и личные взаимоотношения, словно вокруг никого нет, а на сделанное замечание не обращают никакого внимания. Они – «личности»,

и их свобода действий превыше всего, а остальные вокруг – это просто ходячие манекены, так, по-видимому, они считают. Для своих соседей Иван Петрович явно был не свой: староват, одет просто и дёшево, ни перстенька золотого, ни дорогого телефона – так, совок, переживший своё советское время.

Самолёт, между тем, уже вырулил на старт, двигатели взревели во всю мощь и, разбежавшись, американский Боинг взмыл в небо над Москвой и над Россией, унося Ивана Петровича в его далёкое – близкое прошлое, когда жизнь была прекрасна и удивительна, люди добры, а будущее было светло, интересно и надёжно.

РАССКАЗЫ

СЛУЧАИ из ЖИЗНИ Ивана Петровича Домова

В весеннем лесу

Апрельским утром 1956 года Ваня Домов, наскоро проглотив завтрак, состоящий из пшенной каши, бутерброда с маслом и кружки чая с сахаром, выскочил из дома и вприпрыжку зашагал к своим приятелям, жившим недалеко, чтобы вместе придумать развлечения на сегодняшний день. Ваня проживал в небольшом сибирском городке в доме с бабушкой Аней и прабабушкой Дуней, учился в четвёртом классе и с нетерпением ждал летних каникул, до которых оставался лишь месяц надоевшей учёбы.

Страна СССР, в которой жил Ваня, выдержала Великую войну, преодолела послевоенную разруху и нищету, жизнь людей стала налаживаться в скромном достатке, а потому и дети были радостны и довольны.

Учёба Ваню не тяготила и давалась легко, но просиживать полдня за партой, вместо того чтобы заниматься мальчишескими делами, ему надоело, потому он и ждал лета с полной свободой для двенадцатилетнего мальчика, заканчивающего четвёртый год школы.

Сегодня было воскресенье, и потому весь день можно прожить по своему желанию, если взрослые не поручат какое-нибудь задание по хозяйству. С утра поручений от бабушек он не получил и если улизнуть из дома, то и не получит:

ищи-свищи ветра в поле или мальчика на улице весенним утром – мало ли что ему придёт в голову и куда занесёт его детская фантазия.

Приятелей своих Ваня завидел издалека – это были братья Фроловы: Вовка и Витька, погодки, учившиеся в третьем и втором классе, и Иванов брат Юрка, проживающий с отцом и матерью напротив Фролят, тоже при отце и матери, причём отец их был капитаном милиции, и потому подрастающие хулиганы с улицы не трогали Фролят и их друзей, опасаясь отца-милиционера.

Приятели Вани и его родной брат Юра жили при обоих родителях, что было большой редкостью после Великой войны, а сам Ваня жил при бабушках, изредка навещая мать, которая после войны вышла замуж за фронтовика, но для этого пришлось ей оставить своего внебрачного сына, потому что бабушка Вани не позволила своей дочери оформить брак с отцом Вани, а почему так случилось, Ваня не интересовался и не переживал, вполне довольный своей жизнью при бабушках.

Солнце грело по-летнему, грязь на улице под солнцем подсыхала быстро, вдоль обочин, где ещё день назад были лужи, теперь появились тропинки, протоптанные жителями, по которым можно было посуху добраться от дома до дома, не увязая в грязи сельской улицы. Хотя городок и был районным центром, но асфальтированных улиц в нём не было, и в распутицу осенью или весной, или в дождливое лето, жи-

тели пробирались через непролазную уличную грязь в сапогах: кирзовых или резиновых.

Кирзовые сапоги надел и Ваня, выходя из дома, да и его приятели тоже были в сапогах.

Подойдя вплотную к ребятам, Ваня увидел, что приятели играют в «Захват земли», воспользовавшись подсохшим на солнце пяточком земли перед входными воротами дома его брата Юры. Игра заключалась в следующем: на земле чертится большой круг, который разбивают на сектора равного размера по числу игроков. Стоя на своей земле, игроки по очереди, как укажет жребий, бросали складной ножик так, чтобы он воткнулся в землю стоя: если нож падал, то ход переходил к другому, а если воткнулся, то игрок этим ножом по направлению лезвия отрезал кусок земли у противника, но так, чтобы этот кусок примыкал к его собственной земле и отрезать кусок можно только со своей земли, не прикасаясь к земле неприятеля ни ногами, ни руками. Если нож втыкался раз за разом, то земля неприятеля уменьшалась и уменьшалась до тех пор, пока он хотя бы одной ногой мог стоять на своей земле. Как только кусочек земли оставался меньше, этот неприятель считался побежденным, а оставшиеся продолжали игру до тех пор, пока кто-то один не захватит всю землю в круге. Каждый игрок пользовался своим ножом, а складные ножички были у всех мальчиков лет с семи, потому что без ножа мальчику никак нельзя: срезать ветвь берёзы на удилище, сделать свисток из побега тополя и вообще

что-то смастерить по задумке.

У Вани, конечно, тоже был ножичек: с перламутровой рукояткой и шестью перьями – два лезвия, штопор, отвёртка, открывашка для лимонада и шило – полный набор инструментов в одном ножичке.

Когда Ваня подошёл, игра заканчивалась: Юрку братья Фроловы уже вышибли из игры и теперь младший брат побеждал старшего, чем весьма гордился, потому что борьба за первенство в любом деле велась братьями всегда и постоянно.

– Давай, Ванька, начнём игру с начала уже вчетвером, – ты с братом, и мы на пару, – предложил младший Фролёнок, надеясь снова победить, потому что ножичек у него был простой с одним лезвием, но втыкался в землю легко и просто.

– Нет, в захват земли мы ещё наиграемся, а сегодня я предлагаю пойти на ближнее озеро Животное, там в окрестных лесах разорим гнёзда ворон и сорок, которые уже начали нести яйца, у берега лёд уже оттаял, как и по нашей речке и может быть половим гольянов.

Потом в лесу разожжём костёр, сварим яйца, поджарим гольянов и хлеб, поедем как индейцы из книжек Фенимора Купера, которые я недавно прочитал и возвратимся домой к вечеру, – высказал Ваня своё предложение, которое мальчики охотно поддержали.

Поход в лес и на озеро требовал резиновых сапог, чтобы не промочить ноги, потому что кирзовые пропускают воду, и

мальчики разбежались по домам, уговорившись встретиться через полчаса на перекрестке улицы, ведущей к окраине городка и далее тропой через лес к ближнему озеру, до которого было не более километра пути.

Ваня забежал в дом, нашёл свои резиновые сапоги, переобулся, потом достал буханку чёрного хлеба и отрезал от неё половину, не спрашивая бабушек, которые ушли на базар, надеясь что-то прикупить из еды у крестьян, приехавших из окрестных деревень, чтобы продать яйца, молоко, хлеб что-то ещё и крестьянские поделки, воспользовавшись весенним погожим днём в преддверии весенних полевых работ, которые наваяются на колхозников лишь только прогреется земля.

Ещё два года назад Ване приходилось часами простаивать в очереди за хлебом и бабушки не разрешили бы ему отрезать полбуханки, а сейчас он сделал это без спроса и не ожидал упрёка.

Слушая радио из чёрного круглого репродуктора, висевшего на стене в комнате, Ваня знал, что началось освоение целины, был собран в прошлом году хороший урожай, а потому хлеба в магазинах стало больше и его можно было купить свободно и почти без очереди, а крестьяне начали привозить на рынок муку для продажи и именно за мукой пошли бабушки, чтобы на Пасху, до которой оставалась неделя, напечь плюшек и другой сдобы.

Прихватив коробок спичек, Ваня сунул хлеб и спички за

пазуху телогрейки, которую тоже надел для похода в лес, и выбежал из дома, закрыв дверь лишь на защёлку – так делали и бабушки, и соседи, уходя из дома и не опасаясь, что кто-то посторонний залезет в дом.

Друзья уже крутились на перекрёстке, и мальчики гурьбой пошли вдоль улицы к лесу, который виднелся за крайними домами, вплотную примыкая к огородам. Вообще-то это был не лес, а молодая берёзовая поросль, не выше двух-трёх мальчишеских ростов, потому что весь лес в округе вырубил в годы войны на дрова и эти берёзы были ровесниками мальчиков.

За крайними домами улица превращалась в тропу, ведущую в глубь леса. Молодые берёзки стояли ещё без листвы, лишь почки набухли. Под берёзками лежала пожухшая прошлогодняя листва, шурша под ногами мальчиков, которые свернули с тропинки, на которой уже пробивалась зелёная травка, и шли лесом, поскольку прошлогодняя колея от телег наполнилась талой водой и идти по ней даже в резиновых сапогах было неудобно.

На прогретых полянках, кое-где из-под прошлогодней листвы пробилась подснежники, которые белыми чашечками тянулись к солнцу. Рядом с ними, но в тени, виднелись лесные фиолетовые цветочки на толстых мохнатых стеблях – эти цветочки назывались медунками за сладковатый привкус, если их сорвать и разжевать, чем ребята непременно и занялись, но не сбавляя хода: сахара в семьях не хватало, а

конфеты дети видели лишь в новогодних подарках, где кроме конфет обязательно были и мандарины – сладкая мечта сибирских мальчишек и девчонок.

На пути встретился муравейник, возле которого ребята остановились на несколько минут, чтобы посмотреть на муравьиные хлопоты.

Муравейник был под берёзой на бугорке, уже прогрелся на солнце и муравьи, открыв ходы вглубь муравьиной кучи, деловито суетились, поднося веточки для ремонта своего жилища, которое обветшало за долгую зиму, придавленное тяжестью глубокого снега.

– Пойдём быстрее к озеру, там есть много муравейников, и мы попробуем муравьиную кислоту, – поторопил Ваня своих спутников, взмахивая небольшим сачком, который он прихватил из дома, надеясь им наловить гольянов на озере, так же, как как он ловил их в городской речушке, на которой лёд всплыл на середине, освободив оттаявшие отмели, где гольяны мелькали стайками и их можно было поддеть сачком и выбросить на берег.

Озеро, куда направились ребята, славилось тем, что гольяны были гораздо крупнее, чем в других озёрах и на речке, именно поэтому Ваня и затеял поход, чтобы наловить крупных гольянов и завтра в школе похвалиться перед товарищами.

Тёплый весенний ветерок раскачивал вершины берёзок, воздух был напоен весенним ароматом прелых листьев и

распускающихся жёлтых и серых серёжек ольхи и тальника, кусты которых росли в низинах, где вода. Изредка пролетали первые бабочки-крапивницы, иногда деловито жужжал шмель, усаживаясь на медуницу, но ребята, не отвлекаясь по сторонам, двигались к озеру, которое уже виднелось впереди за прозрачным берёзовым леском.

Минуты спустя, четверо мальчиков уже стояли на берегу озера, вглядываясь в открывшуюся перед ними просторную равнину.

Озеро, совсем круглое, было покрыто льдом, всплывшим посередине, освободив берега, вдоль которых над чистой водой летали чайки, что-то выкрикивая на своём птичьем языке.

Круг озера был размером с километр, за озером была пустошь, а за ней виднелся лес, до которого было километра два и ребята не решились идти так далеко. Справа от озера лес примыкал почти к берегу, оставляя свободную поляну, на которую и направились ребята: идти недалеко, и лес и озеро рядом.

Миновав эту поляну, ребята углубились в лес, чтобы там развести костёр и полазить по берёзам, добираясь до вороньих гнёзд, виднеющихся чёрными пятнами издалека, сквозь прозрачность весеннего леса, не успевшего обзавестись листвой.

Но глубь леса оказалась болотом, заполненным водой и льдом, и потому ребята вернулись на опушку, где на сухом

месте решили устроить привал: и сухо, и тепло, и за хворостом для костра далеко ходить не надо.

Каждый занялся делом по душе: Фролята, достав ножи, стали делать надрезы на берёзах, чтобы попить берёзового сока, Юра начал собирать хворост для костра, а Ваня, взяв сачок, направился к озеру, чтобы наловить гольянов, если это удастся. Гольян, маленькая рыбка типа пескаря, размером с палец подростка, но очень вкусная, потому что гольян родственник сига – так ему объяснил когда-то сосед-рыбак, что летом ездил на это самое озеро, ставил сети и иногда привозил очень крупных карасей, размером с руку и таких карасей нигде в округе больше не водилось.

Подойдя к озеру, Ваня увидел полосу чистой воды, за ней шелестел жёлтый камыш, а за камышом на всём просторе озера лежал лёд, который казался рыхлым и зеленовато отблескивал в лучах апрельского солнца, которое поднялось на вершину небосвода и заливало жаркими лучами озерную глыбу льда, и лёд плавился и было слышно, как он потрескивает и покрхтывает – судя по всему до полного освобождения озера от ледяного покрова оставалось несколько дней.

Вдоль полосы чистой воды кипела жизнь. На кочках, покрытых прошлогодней травой, копошились синицы, выскивая оживших жучков-паучков, изредка, с писком, пробегали полевые мыши, чибисы, подняв хохолки, расхаживали по лужам, выскивая пропитание, а над ними носились чайки издавая стоны, и кружили вороны, в надежде поживиться за-

зевавшейся мышью или лягушкой, которые вылезли на кочки и раздувая щёки издавали трели, призывая всю живность порадоваться наступившей весне.

Гольянов на мелководье Ваня не обнаружил и пошёл вдоль берега, не теряя надежды на улов. На пути встретился ручей, который с тихим журчанием струился из той лощины, где ребята устроили привал. В устье ручья мелькали стайки гольянов, которые сквозь толщу воды казались ещё крупнее – чуть не с ладонь мальчика.

Ваня зашёл в воду по обрез резиновых сапог, поставил сачок и замер неподвижно. Стайка гольянов подплыла под сачок, и резким движением Ваня подрезал сачок из воды: в нём трепыхались три гольяна, размером с мужской палец, а остальные успели выскочить из ловушки. С уловом Ваня вышел на берег, вытряхнул гольянов из сачка в маленькую лужицу, и пошёл обратно в воду, чтобы повторить рыбалку.

На этот раз ему удалось поймать лишь одного гольяна, которого он выбросил на берег, чтобы не ходить туда-сюда: выбрасывая сачок, он зачерпнул немного воды в правый сапог, и теперь мокрая портянка неприятно холодила ногу.

Поймав ещё штук десять гольянов, Ваня решил отнести рыбок к привалу, чтобы похвастать уловом и позвать брата на рыбалку: пусть он загоняет рыбёшек на отмель, а сам Ваня будет их отлавливать сачком.

Его друзья на опушке леса занимались своими делами, а чем именно, издалека не разобрать.

Ваня пошёл к друзьям вдоль ручья, что вытекал из большой лужи рядом с привалом.

Ручеёк, совсем маленький, журчал по прошлогодней траве, и когда мальчик подошёл к луже, он увидел, как несколько гольянов метнулись от него прочь к другому берегу.

– Вот в чём дело, – обрадовался Ваня, – гольяны поднялись по ручью из озера, когда этот ручей был наполнен талой водой, а сейчас ручеёк обмелел, и гольяны останутся в луже, пока она совсем не пересохнет – надо их выловить, чтобы не пропали зря.

Брат Юра охотно откликнулся на призыв Вани выловить гольянов из лужи. Он уже насобирал достаточно хвороста, чтобы зажечь костёр и был рад заняться другим делом.

Берёзовый лес здесь, куда не добрались заготовщики дров, состоял из старых берёз десятиметровой вышины, за зиму от них обломилось много сучьев и поэтому заготовка хвороста для костра не требовала много времени.

Фролята похвалили Ваню за улов, но продолжали заниматься добычей берёзового сока. Они насверлили дырочек в берёзовой коре, и из них начал вытекать берёзовый сок, который братья слизывали с коры, поскольку никто не догадался взять какую-нибудь посудину для сбора сока – не было и котелка для ухи из гольянов и для варки яиц, если удастся их раздобыть из вороньих гнёзд, что чернели на берёзах вдали.

Но насчёт берёзового сока Фролята догадались использовать носовые платки, которые были у всех мальчиков, пото-

му что учителя в школе частенько проверяли наличие носовых платков, приучая школьников к личной чистоте. Платки эти были, конечно, самодельные, вырезанные из старых простыней, которые уже невозможно починить заплатками. Платками пользовались лишь при простуде или порезав палец, но здесь, в лесу братья засовывали уголок платка в прорезь коры берёзы и сок, стекая вниз, намокал платок, который оставалось лишь вынуть и отжать сок прямо в рот, откинув голову назад.

Ваня тоже решил испить сока – на солнце ему захотелось пить, а пить из лесной лужи он не стал, предпочитая берёзовый сок. Взяв свой платок из кармана, он всунул его уголок в дырочку, прорезанную Фролятами на соседней берёзе, и минут через пять уже отжимал мокрый платок, с удовольствием глотая сладковатую жидкость.

Повторив такое несколько раз, он пошёл в лес с Юрой, чтобы попытаться набрать вороньих яиц, если они были в гнёздах. Первое гнездо оказалось неподалеку от лагеря, и Ваня полез вверх по берёзе, дотянувшись до нижнего сучка и далее, как по лестнице, пошагал вверх, опираясь на сучки. Воронье гнездо оказалось на самой верхней развилке, где берёза утончалась, и взрослый человек не смог бы там удержаться, но мальчик двенадцати лет мог без опаски находиться наверху. Заглянув в гнездо, Ваня обнаружил там два яйца: зелёные с бурыми пятнами раза в три меньше куриных. Впрочем, Ваня ещё в прошлом году успешно разорял птичьи

гнезда и прекрасно знал, какое яйцо несёт та или иная птица – у него скопилась целая коллекция птичьих яиц, которые он хранил в картонных коробках из-под обуви, подложив вату на дно.

Взяв яйца, мальчик положил их в кепку, которую снял с головы, закусил кепку зубами, поскольку руки цеплялись за сучья, и собрался спускаться вниз, сначала оглянувшись по сторонам. Берёза эта стояла на полянке в отдалении от леса, была выше лесных берёз и с неё открывался вид далеко вокруг. На юг, за озером, было видно ещё такое же озеро, на запад за полем и лесом тоже виднелось озеро подо льдом, на север тянулся лесок, где были ребята, а за лесом виднелась дорога, за которой тоже было озеро.

Городок Вани находился в Западной Сибири, на равнине, где озёра заполнили все низменности, и это место можно было называть страной озёр. Крупная река Иртыш находилась где-то далеко на востоке, километров за сто от этих мест, но самой реки Ваня ещё не видел никогда. В этом году мать обещала устроить его в пионерский лагерь на берегу Иртыша, и Ваня надеялся увидеть и реку, и большие города при поездке в лагерь.

На восток, за лесом, виднелись дома городка, будто рядом, поскольку лес в том направлении был молодой берёзовой порослью.

Мальчику стало радостно и захотелось напеть пионерскую песню про «Родной край»:

*То берёзка, то рябина,
Куст ракиты над рекой,
Край родной навек любимый,
Где найдешь ещё такой?*

Но во рту была кепка с вороньими яйцами, и петъ не получилось.

Насмотревшись на просторы родного края, Ваня осторожно спустился с берёзы вниз и показал брату два вороньих яйца, в то время как вороны с криками носились над мальчишками, оплакивая разорение своего гнезда. Конечно, ворона – вредная птица: ворует цыплят, разоряет гнёзда мелких пташек, выклеывает огурцы в огородах – не зря её зовут серым разбойником, но даже ворона горюет по своему гнезду, если оно разорено мальчишками.

Ваня залез ещё в три вороньих гнезда, набрав в них восемь яиц, и решил, что хватит, потому что варить яйца всё равно не в чем, а в коллекции дома у него вороньих яиц несколько и разных оттенков.

Братья направились к своему лагерю вдоль кромки болота, которое оказалось в соседнем лесу и ещё не полностью освободилось ото льда.

Из глубины болота раздавались крики сороки, и Ваня решил проверить, нет ли там сорочьего гнезда – для разнообразия ему хотелось разорить и сороку. Осторожно ступая по хрупкому льду, Ваня пробрался в заросли тальника, где виделось круглое сорочье гнездо, которое в отличие от воро-

ных было с крышей. Сунув руку в лаз, мальчик забрал три яйца, которые были схожи по цвету с вороньими, но чуть меньше по размеру. Держа яйца в руке, Ваня пошёл вон из болота, вглядываясь в лёд, чтобы не провалиться.

В некоторых местах лёд был прозрачен и подо льдом или в самом льду виднелись лягушки. Некоторые лежали белыми брюшками вверх. Выбравшегося из болота мальчика на берегу встретили такие же лягушки, но ожившие и уже издававшие переливчатые трели, которые означали лягушачьи песни навстречу весне.

– Вот, возьми сорочки яйца, – сказал Ваня брату. – Видел на болоте лягушек, замёрзших во льду, а здесь на берегу такие же лягушки уже живые и поют? – Как же так, лягушки замерзают осенью, лежат всю зиму во льду, а по весне оживают и поют как ни в чём не бывало. У нас, зимой, сосед дядя Вася замёрз – шёл из деревни, вьюга началась, он сбился с пути, замёрз насмерть, и оживить нельзя. А лягушки сами оживают. Почему им можно оживать, а людям нельзя?

– Потому что человек большой и тёплый, а лягушка маленькая, и холодная, и дядя Вася, что замёрз в лесу, говорят, был пьяным, лёг на снег и замёрз, – возразил Юрий, взяв сорочки яйца.

– Нет, дядя Вася замёрз потому, что потерял в пургу свою шапку, и он не был пьяным, а почему лягушки оживают, я не знаю: надо будет спросить об этом учительницу, – ответил Ваня своему брату, и они пошли к привалу, где Фроля-

та, упившись берёзовым соком, начинали зажигать костёр, ломая ветки хвороста и укладывая их в кучку.

Сложив кучку хвороста, Вовка сорвал пучок сухой травы, подложил его под хворост и, чиркнув спичкой, поджоги траву. Сухой хворост быстро принялся огнём, кучка была большая и прямо на сухой траве, огонь костра перекинулся на траву и лёгкий ветерок погнал пал к лесу, грозя устроить лесной пожар. Ребята испугались и начали тушить пожар, затаптывая огонь сапогами и скоро им удалось сбить пламя, от которого на полянке осталась выжженная проплешина.

– Повезло нам, что удалось погасить огонь, иначе пришлось бы убежать прочь, чтобы не наказали за поджог леса, пусть и нечаянно, а за нечаянно бьют отчаянно, – обрадовался Фролов старший, который и затеял разжигать костёр.

– Эх ты, вредитель, – укорил Ваня своего товарища, – сначала надо было вырвать сухую траву и уже потом, на голом месте разжигать костёр.

– Ладно, не будем ссориться, – продолжил наставлять Ваня своих младших спутников, – это и я виноват, что не уследил за вами. Костёр уже прогорел, пока мы боролись с пожаром, и разжигать его снова пока не будем, а пойдем ловить гольянов в этой луже, из которой течёт ручеёк в озеро.

Ребята согласились со старшим, обрадованные победой над огнём, и все пошли к луже с гольянами. Рыбёшки метнулись прочь к другому берегу лужи, и ребята, выстроившись в ряд, погнали гольянов на мелководье, громко шлёпая са-

погами по воде.

Деваться рыбкам было некуда, и скоро вся стайка рыбок оказалась на берегу, трепыхаясь в мокрой траве, из которой их доставали цепкие мальчишеские руки.

Собрав гольянов, которых оказалось более сорока штук, ребята снова занялись костром, который весело загудел огнём через несколько минут на месте выжженной травы.

– Пора нам перекусить в походе тем, что добыли, – сказал Ваня, – а добыли мы гольянов, птичьи яйца и хлеб, что принесли из дома. Давайте жарить гольянов на костре – должно получиться вкусно, хотя в походах, как пишется в книжках про американских индейцев, надо рыбу и зверей есть сырыми, чтобы не привлекать внимание бледнолицых врагов дымом костра. Но здесь врагов нет, и будем жарить гольянов.

– Как же их жарить, если нет ни сковородок, ни котелков, чтобы сварить уху, – спросил Витька, младший из братьев Фроловых.

– Да, не догадался я прихватить какую-нибудь посудину из дома, а ведь в сарайке валяется чугунная сковородка с отбитым краем, которую я не успел сдать старьёвщику, чтобы получить копеек 15 и купить у него воздушный шарик, – огорчился Ваня, – но будем жарить рыбок над огнём, насаживая их на прутики, я покажу как это надо делать.

С этими словами Ваня подошёл к ближней берёзе, срезал перочинным ножом ветку, очистил её от коры, потом взял трепыхающегося гольяна, вспорол брюшко, выдавил внут-

ренности, насадил рыбку на прутик под жабры и сунул её в огонь. Минуту спустя рыбёшка начала скрючиваться от огня, потом обгорели плавники и хвост, и Ваня, посчитав рыбку вполне подходящей, вынул прутик из огня, снял рыбёшку и обжигая губы, откусил её по самую голову. Рыбка оказалась запечённой, но без соли совсем пресной.

– Эх, даже соли я не догадался прихватить из дома, собираясь в спешке, – укорил мальчик самого себя, не стыдясь товарищей. – Придётся всем нам есть рыбок без соли.

– У меня есть соль, – вскрикнул младший брат Фролов. – Я всегда ношу в кармане спичечный коробок с солью, потому что люблю есть хлеб с постным маслом и посыпанный солью.

Витька вскочил от костра, побежал к берёзе, на которую повесил свою фуфайку, в которой было жарко на солнце, и достав из кармана коробок с солью и ломоть хлеба, что прихватил в дорогу, вернулся к костру, где его ожидали друзья, порядком изголодавшиеся, поскольку солнце уже катилось вниз с вершины неба и время обеда давно прошло.

Ваня показал ребятам как срезать и чистить от коры прутья тальника, которые лучше подходили для жарки рыбы. Ребята нарезали прутьев, начистили рыбок от внутренностей, поскольку у всех были ножички, и скоро четвёрка друзей столпилась вокруг костра, на котором каждый жарил свою рыбку, посыпав немного соли в брюшко и потом, поджарив рыбку, снимал её с прутка и жадно поедал вместе с головой, которая оказалась тоже вкусной.

Через полчаса с рыбками было покончено – каждому пришлось по двенадцать рыбок, потому что улов разделили поровну, чтобы без обиды и старшинства.

– Теперь попробуем испечь на костре птичьи яйца, – предложил Ваня, и достав вороньи и сорочьи яйца из своей кепки, куда сложил свою добычу, начал осторожно закатывать яйца на горячие угли, что оставались от догоравшего костра, куда перестали добавлять сухие ветки. Два яйца лопнули от огня, но жар углей не позволил им расколоться и через минуту мальчик палочкой выкатил яйца из костра, посчитав, что они испеклись.

– Моя бабушка варит куриные яйца прямо под крышкой самовара и не более трех минут, а ведь куриные яйца раза в три больше вороньих, – пояснил он своим младшим спутникам.

Ваня бросил горячие яйца в лужу с чистой водой, достал одно, очистил немного от кожуры и подцепив яйцо ножичком, попробовал на вкус: он ещё никогда не ел птичьих яиц и не знал их вкуса, который оказался почти как у куриных яиц, только белок был как студень и не белый, а тёмный.

Друзья тоже последовали примеру Вани, и с яйцами было покончено, как и с рыбками.

Витька подбросил в костёр веток, чтобы огонь разгорелся вновь, достал свой ломоть хлеба, отломил кусок, наколол его на прут, как до этих рыбёшек, и стал поджаривать хлеб над огнём. Потом кусок жареного хлеба он посыпал солью и

с удовольствием съел, похваливая вкус чёрного хлеба, пропахшего дымом костра.

Ребята тоже попробовали печёного хлеба, пока не наелись окончательно. От сытости им захотелось пить, и все попили холодной чистой воды из лужи, в которой совсем недавно ловили гольянов.

– Моя учительница говорила, что пить воду из лужи нельзя, можно заболеть, – предостерег старший Фролов своих товарищей, на что Ваня возразил: – Это в городе нельзя пить из лужи, потому что вода там грязная, все помои из домов выливаются в канаву, а здесь вода от растаявшего снега, и она чистая. Из болота тоже пить нельзя, но из лужи можно.

Обед и солнце разморили мальчиков, и они улеглись на солнцепёке, подстелив на сухую траву фуфайки, которые носили с осени и до весны.

Ваня лёг на спину и смотрел в прозрачную голубизну неба. Высоко-высоко пролетел клин каких-то птиц, спешивших на север, что означало окончательный приход весны без возврата морозов и снегов – так ему говорила бабушка.

Неподалёку, на берегу села стайка скворцов, которые напели свои песни и полетели дальше в город, где на огородах снег сошёл уже давно и можно было поживиться червячками и букашками, ожившими после зимы. Синички с чёрной грудкой тинькали в зарослях тальника: они, напротив, улетели из города, где прожили всю зиму возле людей, потому что в городе можно было прожить легче, чем в голодном и

пустом лесу.

Лёгкий южный ветерок доносил запахи пробуждающегося после долгой зимы леса, над озером носились и кричали чайки и чибисы, в небе над головой прошуршала стайка уток, перелетающих на другое озеро, в болоте и на озере раздавались лягушачьи трели, рядом порхала бабочка, и Ваня задремал в счастливой неге, довольный приходом весны и этим походом в лес со своими друзьями.

Ребята понежились с часок времени под тёплым солнцем, по которому соскучились за зиму, пока мальчишеская непоседливость не погнала их на поиски новых впечатлений и развлечений.

Витька поймал лягушку, вставил ей в зад соломинку и надавил словно мячик, отчего сильно развеселился.

– Смотри, бородавки пойдут по рукам от этой лягушки, – предостерёг его Ваня.

– Не пойдут, – возразил Витька. Это от жабы бывают бородавки, а от зелёных лягушек нет, – так мне отец говорил.

– Теперь пойду к озеру ловить мышей, что бегают между кочками – надо принести мышек нашему коту, который успел за зиму переловить всех мышей в подполе. Кот – это зверь, а зверю надо кушать мясо, которое и мы, люди, редко едим. И мальчик ушёл к озеру, взяв с собой обломок берёзовой ветки, которым надеялся побить мышек для своего кота.

Вовка пытался сачком выловить из лужи оставшихся в ней нескольких гольянов, но одному не удавалось загнать рыбё-

шек на отмель, и они умело проскальзывали мимо сачка.

Юрка сделал себе свисток из ветки тальника, для чего отрезал своим ножичком прут нужной палец толщиной, отрезал прут, с мужской палец толщиной и длиной с тот же палец, сделал в этом куске надрез, потом легким постукиванием ручкой ножа по коре, отделил её целиком от деревяшки, снял, сделал в деревяшке углубление и вырезы, надел кору назад, предварительно посплюнявив и подув в прорезь. Свисток получился на славу и издал сильный переливчатый звук, заставив Фролят отвлечься от своих дел.

Ваня, увидев вдали под берёзой муравьиную кучу, вспомнил, что обещал ребятам угостить их муравьиной кислотой, и отрезав ветку тальника, очистил её от коры, облизал и подойдя к муравейнику, положил веточку сверху, слегка двигая. Муравьи облепили ветку, что грозила разрушить их жилище, и Ваня, отряхнув ветку от муравьёв, попробовал лизнуть. Ветка оказалась пронзительно кислого вкуса от муравьиного сока. Ребята вслед за Ваней тоже попробовали муравьиного сока, морщась от кислоты, что сводила скулы.

Солнце начало быстро клониться к закату, часов у ребят не было, потому что наручные часы считались роскошью и были не у каждого мужчины, не то, что у мальчиков. Правда, бабушка Вани обещалась купить ему часы, если он закончит класс на отлично и похоже было, что ему удастся это сделать. Бабушка Вани была учительницей младших классов, но вышла на пенсию год назад и продолжала работать библиотека-

рем в школе-семилетке, что позволило ей получать зарплату библиотекаря и половину пенсии – а это было больше, чем зарплата учителя.

Ребята собрались в обратный путь, чтобы засветло вернуться домой, пока их не хватились родные. Апрельский день сильно прибавился к короткому зимнему дню, но играть засветло ребятам полагалось возле дома, чтобы по первому зову загнать их в дом.

Надев фуфайки, поскольку от ледяного озера уже потягивало холодом, ребята двинулись в обратный путь той же дорогой, где за тёплый день сильно прибавилось подснежников, а на самой дороге пробилась зелень травы.

Все были довольны проведённым в лесу днём, и ребята на ходу обсуждали ловлю рыбы, костёр, свой обед и разную всячину, что приходила мальчикам в голову.

Юрка посвистывал в свой свисток, словно судья на футболе, в который играли городские команды на стадионе прошлым летом и будут играть по выходным дням, лишь только на стадионе вырастет трава.

Солнце краем задело горизонт, когда ребята добрались до своей улицы и разошлись по домам: никто их не хватился и не искал, потому что мальчишки 10-12 лет считались уже вполне самостоятельными и ответственными за свои поступки, а преступлений против детей в их городке никогда не было и не предполагалось. Худшее, что могло произойти – это утонуть в речке, как случилось однажды с девочкой в про-

шлом году, но до сезона купания было ещё далеко и купаться можно было после того случая лишь в нескольких местах и под надзором взрослых.

Ванины бабушки сидели на лавочке возле ворот, отдыхая после забот воскресного дня и обсуждая уличные слухи с соседями, которые тоже, на исходе дня, вышли на улицу и расселись на лавочки, которые были возле каждого дома.

– Где тебя носило весь день, даже обедать не пришёл? – С притворной строгостью спросила бабушка, для которой внук был не только обузой, доставшейся от дочери, но и предметом гордости за школьные успехи Вани.

– С ребятами ходили на озеро, разоряли вороньи гнёзда и ловили гольянов, потом разожгли костёр и жарили гольянов и вороньи яйца, – объяснил Ваня своё отсутствие в течение дня, на что бабушка укорила внука: – Надо было сказать мне, что собираетесь в лес, а то мы уже волноваться начали, что нигде тебя нет поблизости, даже в кино денег на билет не просил.

– Это кино я уже видел, потому и не просил денег на билет, а в лесу гораздо интереснее, чем здесь на улице болтаться, – возразил Ваня.

– Иди в дом, там на столе тебя ждет кружка молока и ломоть белого хлеба на ужин. Этот хлеб мы купили на базаре у колхозников, ещё купили белой муки и через неделю на Пасху будем печь пироги и плюшки, – закончила бабушка воспитание внука и продолжила беседу со своей матерью,

прабабушкой Вани, которая лузгала семечки подсолнуха во всё время разговора.

Про Пасху мальчик знал, что это бог, которого нет, воскрес и что-то ещё, но плюшки любил и потому с радостью пошёл в дом, чтобы поужинать молоком с хлебом. Гольяны и яйца ворон конечно насытили ребят, но белый хлеб с молоком был гораздо вкуснее лесной добычи.

На дворе солнце закатывалось за горизонт, в доме наступили сумерки, и Ване пришлось зажечь керосиновую лампу, чтобы не ужинать в потёмках.

После ужина, мальчик достал с полки книгу про индейцев Фенимора Купера и продолжил увлекательное чтение этой книги, что взял в библиотеке. Он и поход на озеро затеял потому, что уже прочитал две книги про лесную жизнь индейцев в Америке, и ему захотелось испытать эти приключения на себе. Поход в лес оказался удачным, и Ваня решил повторить такие вылазки летом: главное в лесных походах – это найти себе пропитание, а не нести еду из дома – про такое написано в книгах об индейцах.

Через полчаса или больше, когда за окном совсем стемнело, возвратились бабушки с уличных посиделок, расстелили свои кровати для ночного сна, причём кровать в комнате была лишь у бабушки Ани, а прабабушка Дуня спала на большом сундуке, что стоял на кухне у двери, но зимой, в холода, прабабушка спала на лежанке русской печи.

У Вани тоже не было своей кровати, и он спал на раскла-

душке в комнате рядом с бабушкой, потому что места в комнате для кровати не было. В доме была ещё маленькая комната, но там жила двоюродная сестра Вани, ученица десятого класса. Она приехала из Москвы, погостить у бабушки летом и решила остаться здесь, чтобы закончить среднюю школу – так ей понравилось в этом небольшом городке, чего Ваня совсем не понимал: как можно променять красивую жизнь в Москве, что показывают в новостях кино, на их простую жизнь в городке. Эта сестра, Наташа, считалась уже взрослой и потому ещё не объявилась на ночь со своих девчачьих дел.

Бабушки и внук улеглись, оставив на кухне, зажжённой керосиновую лампу, но убавив фитилёк, чтобы Наташа, войдя в дом, не бродила в темноте и не будила спящих.

Ваня лёг на свою раскладушку, вспоминая события минувшего дня, который ему очень и очень понравился путешествием в весенний лес около озера и незаметно уснул вполне довольный своей жизнью.

Советское детство провинциала

(Из повести «Осенняя поездка в прошлое»)

В канун своего семидесятилетия профессор Домов посетил маленький сибирский городок – свою малую родину, где прошли его детство и юность. На ночлег он остановился у дальних родственников, как и в предыдущие годы.

На следующий день, погожим и прохладным утром, Иван Петрович вышел из дома гостеприимных хозяев, чтобы пройтись по улочкам родного городка, посетить памятные места детства и юности, может встретить прежних знакомых – в общем, совершить всё то, зачем он и приехал сюда.

Вначале он пошёл к дому своего детства – благо идти было всего два квартала сельских домиков.

Вот и дом его детства. Он стоит, как и прежде, на углу двух улочек и за прошедшие годы не покосился и не врос землю – как соседние дома. Новые хозяева подвели под дом новый фундамент из бетона, взамен деревянных столбов, и заменили нижние венцы сгнивших в земле брёвен, заодно и оштукатурили стены дома, чтобы лучше держалось тепло зимой. В остальном дом не изменился: та же крыша листового железа, покрашенная суриком, те же деревянные ставни с резным узором и даже столбы ворот остались прежние.

Не стало только старых дворовых построек: сарая и ам-

барчика – вместо них во дворе стоит рубленая баня и навес для дров.

Иван Петрович сел на лавочку у дома напротив, пристально вглядываясь в дом своего детства. В этом доме было две комнаты и кухня, половину которой занимала русская печь с лежанкой. По тогдашним меркам дом был большой, хотя сейчас и издали он казался совсем маленьким. Городскому жителю после многоэтажных домов все сельские дома кажутся маленькими и тесными, но это обман зрения: внутри таких домов достаточно места для всех – так ему казалось в детстве. В этом доме и начиналась его жизнь.

Рождён он был вне брака и с родителями никогда вместе не жил, а всё детство жил с бабушкой и прабабушкой.

Мать потом вышла замуж за – другого, здесь же, в городке, и переехала к нему. Через год у них родился сын, а отец Ивана Петровича в том же году уехал в Таджикистан, где и умер от туберкулеза лёгких в возрасте 36-ти лет.

Ребёнком он был слабым, болезненным и бабушка потом говорила, что они думали, не выживет, но как-то всё обошлось.

В тот год закончилась Великая Отечественная Война победой Советского союза – так называлась тогда страна, над фашистской Германией. Страна была полуразрушена, жили бедно, а иногда и впроголодь, но был у людей какой-то энтузиазм от одержанной победы и вера в будущее, которое всем казалось лучшим и, несомненно, близким. По крайней мере,

как он себя помнит, никто не сетовал на тяжелую жизнь, люди были уверены в себе, спокойны и доброжелательны.

Это оставшиеся в памяти впечатления раннего детства, а помнит Иван Петрович себя, и то отрывочно, лет с пяти или даже старше. До школы, а учиться он пошёл в восемь лет, помнится только несколько эпизодов. Так в доме бабушки, в большой комнате на низеньком детском стульчике сидит мужчина и он – маленький ребёнок, бежит к нему. Наверное, это был его отец, а ему не больше полутора лет, потому что отец вскоре уехал и позже он его видеть не мог. А если был не отец, то почему именно это осталось в памяти?

Ещё помнится, как в детском саду он проснулся ночью: был карантин от кори и все дети ночевали в саду, гремела гроза, лил дождь и в открытую форточку влетел светящийся шар, размером с детский мячик. Он встал и начал ловить его, но это не удавалось, а потом шарик вылетел в другое окно и раздался грохот: то ли гром, то ли от этого шара. Потом, уже вспоминая этот случай, Иван Петрович понял, что это, наверное, была шаровая молния, а может быть ему и померещилось от болезни, но шар этот он ловил вместе с приятелем.

Дальше, лет в шесть, они втроём убежали из детсада на речку, купаться. Хоть там и было мелко, но его приятель попал в яму и стал тонуть, Иван Петрович – а тогда просто Ваня, схватился за приятеля и вместе с ним пошёл на дно, за ними и третий тоже, а плавать не умел никто. Каким-то

образом, нащупав дно, им удалось выбраться, ну и конечно всем попало потом и в саду и дома.

Следующий отрывок в памяти – это Подмосковье, куда бабушка Анна Антоновна уехала погостить к дочери Августе и взяла Ваню с собой. Летний воскресный день, ему шесть лет и с двумя соседскими мальчишками они собрались за околицу посёлка в путешествие. Из дома выходят бабушка с внучками, тётей и дядей и говорят Ивану, что все идут на озеро, и он пойдёт с ними. Несмотря на упрямство, пришлось идти.

Только пришли на озеро, а это в километре от дома, началась страшная гроза и они укрылись в какой-то заброшенной избушке. После грозы пришлось возвращаться домой. Смотрят, а все бегут за околицу – молнией убило двух мальчишек: как оказалось это были друзья Ивана. Их откачивали, засыпали землей, но ничего не помогло. Так он впервые увидел смерть.

Вот, пожалуй, и все воспоминания шестилетнего мальчика. И когда родные или знакомые начинают подробно рассказывать о каких-то событиях с ними в возрасте два-три года, Ивану Петровичу остается только удивляться их памяти.

А в шесть лет бабушка научила Ивана чтению. Она тогда работала учительницей начальных классов, и его обучение проходило само собой, во время вечерней проверки тетрадей её учеников. Как и школьникам, она давала Ивану какие-то задания, он их выполнял сидя рядом с ней, бабушка проверяла, объясняла, помогала и незаметно, к шести годам

он научился бегло читать и коряво писать – всё-таки обучение не было систематическим.

Научившись читать, Иван тут же записался в городскую детскую библиотеку: покупать книги, прочитывать их и складывать в шкафы, тогда было не принято, да и не на что было эти книги покупать, однако, кое-какие книги в доме были.

В деревянном сундуке хранились детские книги его дяди, напечатанные ещё дореволюционным алфавитом с буквой «ять» и другими незнакомыми буквами. Эти книги Иван тоже прочитал, с удовольствием прикасаясь к старине. И с этого времени и до окончания семилетней школы Иван всё своё свободное время посвящал чтению. Впрочем, и большинство детей тогда читало книжки. Это было основное развлечение: чтение открывало окно в мир, позволяло фантазировать и представлять себя на месте героев книг.

Кроме книг, в 50-е годы 20-го века, в маленьком городке с населением в десять тысяч жителей для ребятни были: кино, где детские фильмы показывались только по воскресеньям; детские передачи по радио из чёрного, в виде тарелки, репродуктора в углу комнаты, да ещё улица. Но в непогоду или зимние холода на улицу не сунешься, радио работало утром и вечером, когда включалось электричество, поэтому оставались только книги. Впрочем, свои книги читали и бабушка и прабабушка, хотя последней и было за 80 лет и образование 3 класса церковно-приходской школы.

Итак, с шести лет и до школы, в которую Ивана почему-то

отдали в восемь лет, в памяти остался следующий уклад жизни.

Утром его будили, и надо было, при любой погоде, сбегать в туалет во дворе, потом умыться, затем приходила мать и отводила его в детсад, где и она работала воспитателем, но в другой группе. В детсаду день проходил по распорядку, с обязательной ложкой рыбьего жира утром – с тех пор он не переносил даже запаха его, но оказывается и в этом была забота о детях. При скудном питании, отсутствии фруктов и витаминов, рыбий жир очень помогал в развитии детей.

Вечером из детсада шли домой, когда в сопровождении матери, а иногда, если пораньше и летом, то и самостоятельно. Сейчас остаётся только удивляться, что ребёнку в шесть лет можно было одному из детсада вернуться домой. Но машин на улицах городка почти не было, а преступлений в отношении детей не только не было, но даже и не предполагалось, хотя несчастные случаи конечно случались.

Помнится, у соседских мальчишек отец приехал на грузовике на обед, ребятишки забрались в кабину, там ружьё, один схватил его и чтобы пугнуть брата, который рвался в кабину, нажал на курок. Ружьё оказалось заряженным и дуллём разворотило дверь кабины. К счастью заряд прошёл мимо и лишь оцарапал бок. Конечно, все потом получили порку, и Ивану досталось несколько подзатыльников.

Летними днями ребятня бегала по улицам без всякого присмотра, а вечерами, закончив домашние дела, взрослые

выходили на улицу, рассаживались на лавочках у своего дома или собирались у соседей и вели беседы.

Детвора носилась по улицам, придумывая всякие игры, пока всех поздно вечером не загоняли в дом. Зимой катались на санках с горки на берегу речки, строили дома из снега, где прятались друг от друга и от студёного ветра, но в сибирские морозы на улице конечно долго не побегаешь, да и темнеет рано, вот тогда он и сидел дома, у топящейся на ночь печи, и читал книжки.

И всё-таки летом было лучше, особенно если детсад закрывался на ремонт, который делали сами воспитатели, а дети были полностью свободны. До речки, которая когда-то протекала через городок, а в те времена была уже со стоячей водой и перегорожена дамбами, вернее насыпями, от его дома было метров сто. И конечно, в тёплый летний день все бегали на речку, там сами и с помощью подростков научились плавать и могли часами бултыхаться в тёплой воде, буквально до посинения.

Всё лето дети проводили на улице, кроме дождливых дней. Бегали босиком, с весны и до осени: в жаркие дни в одних трусах, чёрных, сатиновых, по пыли и грязи, потому что никакого асфальта в городке не было. От грязи в центре городка прокладывали дощатые тротуары, которые за лето ломались и на следующий год делались новые. Но на их улице, конечно, тротуаров не было, и босые ноги Ивана месили грязь и взбивали пыль.

Весной, когда снимали обувь, ступни ног были мягкие и часто ранились от осколков стекла или камешков, но к осени кожа роговела и эти «копыта» уже не брало никакое стекло. При порезах ноги посыпали рану пылью, она останавливала кровь, всё засыхало и этим обходились. Наверное, тогда ещё не было в уличной пыли всякой заразы, поэтому все раны заживали быстро. А бегали босиком, потому что удобно, а не потому, что нечего было обуть: были и сапоги кирзовые или резиновые и сандалии, но в обуви ведь неудобно – чтобы зайти в дом, её надо снимать или мыть, а ноги сполоснул в тапике у входа, вытер о половичок и заходи.

Детская обувь и одежда тогда стоили буквально копейки, но некоторые семьи, потеряв в войне кормильца, даже этого не могли себе позволить. Один приятель Ивана после четвёртого класса ушёл подпаском пасти коров, так как в школу ходить было не в чем (потом он окончил вечернюю школу и техникум).

Помнится, ещё при Сталине, каждый год в марте по радио передавали о снижении цен и перечисляли какие товары и продукты подешевели и на сколько. Это запомнилось – не потому что Ивану было интересно, а потому, что этот перечень зачитывали полдня, и радио бубнило о рублях и копейках. Но как он узнал потом, такое снижение цен за десять лет после войны составило 30-50% при росте зарплат, а отменили ежегодное снижение цен при Хрущёве, первом демократе. Сейчас такое снижение цен даже представить невозмож-

но, но ведь было!

Таковы дошкольные воспоминания его жизни. Бывая в последние годы на своей родине, Иван Петрович не устаёт удивляться происшедшими в людях изменениям. Вернулась послевоенная бедность, кругом разруха и запустение, на улицах и днём и вечером, даже летом, не увидишь людей, особенно играющих детей. Вся жизнь переместилась за заборы, во дворы и огороды, и что там происходит, можно судить только по криминальной хронике местной газетки.

Люди стали раздражительны, злы и беспощадны даже к детям, сжигая всё человеческое в пьянстве и наркомании – явлении, которого никогда не бывало в России. Да и пьянство во время его детства не имело широкого распространения. Если люди и выпивали сверх меры, то как-то без остроты и злобы, а чтобы валяться на улице – так это считалось неслыханным унижением и память Ивана Петровича не хранит таких примеров.

Выпивали взрослые обычно на праздники или в какие-то семейные события, а мужчины ещё и в день полочки. В центре городка на площади и ещё на рынке, стояли палатки, в которых на розлив продавались водка и пиво. И вот в день зарплаты, после работы, мужики останавливались у этих палаток, заказывали водки в стакан, пиво и бутерброды с красной рыбой или икрой. Детвора крутилась рядом, и незнакомые люди покупали им леденцов или пряников, а мужики, выпив и степенно поговорив, расходились по домам. Это к

вопросу о пьянстве и безысходности послевоенной жизни в российской глубинке.

В церковь, на окраине городка ходили только одни древние старухи. В семье Ивана верующих не было, как и среди взрослых, окружающих его детских товарищей. Люди верили в людей, а не в бога. Вообще в бога верят слабые люди, которые не видят выхода из своей убогой жизни. Ведь так легко переложить всё на плечи бога и покорно ждать своей участи, которую на самом-то деле человеку устанавливает он сам или окружающие его люди, или власть. Участь нынешнего поколения в стране: экономическое рабство и безысходность.

Потом началась учёба в школе.

Учёба в школе – это такой же труд, как и любая работа, поэтому трудовая биография любого человека начинается с учёбы в школе. В школу Ивана отдали в восемь лет. Так решили мать и бабушка, а почему они и сами не знали. Хотя семь лет ему исполнялось только в октябре, но нехватка месяца в возрасте к началу учёбы вполне бы компенсировалось умением читать и писать, да и бабушка была учительницей начальных классов. Но было сделано так – он потерял целый год и этого года ему всегда не хватало в последующей жизни.

1 сентября началась его учёба в первом классе начальной школы, а в ноябре учёба закончилась исключением из школы. Для нынешних мерзавцев у власти можно было бы сказать, что исключили Ивана как внука «врага народа». Снача-

ла приняли в школу, а потом разобрались, что дед осужден Советской властью и сослан в лагерь, вот и исключили его внука из школы.

А исключили Ивана из школы за поведение. В те годы к школе специально не готовили и грамоте не учили, даже в детсаду, поэтому обучение в школе начиналось для всех с изучения букв и написания палочек, и лишь к концу первого класса школьники начинали читать по слогам и писать буквы. Ивану это было неинтересно, он два года уже читал книги и умел писать, и выход энергии находился через шалости, за которые он и был исключен.

Как это было оформлено ему неизвестно, но зиму он просидел дома, а на следующий год был принят в другую школу, где работала бабушка, сразу во второй класс. Через год бабушка оформила пенсию по возрасту, но осталась работать в школе библиотекарем, а года через два перестала работать окончательно.

Семь классов этой школы Иван и закончил с отличными оценками при удовлетворительном поведении.

Школьные годы вспоминаются Ивану Петровичу такие же, какие их вспоминают все. Это учёба и развитие, большие и мелкие события, дружба и вражда, взросление. Правда, в начале учёбы одноклассники впервые дали Ивану почувствовать отсутствие отца. По провинностям в школу вызывали родителей и у всех приходили или отец или мать, так как все одноклассники родились уже после войны, а у Ива-

на была только мать – она и приходила в школу, но чаще бабушка.

Об отце Иван тогда ещё ничего не знал, да по правде говоря, и не пытался узнать, но жители городка его отца знали и помнили, рассказывали своим детям, а те в школе давали свою оценку фактам и дразнили Ивана «немцем».

Это потом уже он узнал, что его отец был родом из немцев, которые ещё в прежние царские времена переселились в Россию. Он закончил мединститут, работал в городке врачом, притом хорошим врачом – потому его и помнили ещё много лет спустя. А в те годы после войны с немцами, кличка «немец» была оскорбительна и Иван, конечно, очень обижался, не понимал, и часто дело доходило до драк, которые сказывались и на поведении в школе.

Учёба давалась ему легко, изложение тем в учебниках было простым и понятным, без иностранных и заумных слов и отработано годами. Это сейчас каждый год: новый учебник по любому предмету, да ещё и не один и все написаны группой авторов, каждый из которых хочет показать свою ученость. В итоге, из учебника невозможно понять, о чём идет речь, тем более что-то запомнить. На взгляд Ивана Петровича это делается специально, чтобы понизить уровень знаний наших школьников и тех, кто будет учиться дальше.

Американцы, после наших успехов в космосе (запуск первого спутника Земли, полёт Гагарина – первого космонавта Земли и т.д.), попытались перестроить свою систему обра-

зования по нашему образцу, но у них ничего не получилось и они живут на привозных мозгах иммигрантов. Но наши «перестройщики» стали внедрять западные образцы «мозаичного» образования – это когда без понимания целого запоминаются отдельные сведения.

Учебники были лёгкие, компактные, каждый рассчитан на один год обучения. Эти учебники и тетради стоили копейки и носились в портфелях – ранцы почему-то не применялись. В портфель ещё ложились пенал с ручками и карандашами и чернильница с жидкими чернилами. На уроках писали деревянной ручкой с металлическим пером, которое надо было макать в чернильницу. Такими ручками не пишут уже лет пятьдесят. И конечно, если портфелем ударить неприятеля или скатиться на нём со снежной горки, то чернила выливались, хотя чернильница и называлась «непроливашкой». В итоге тетради и учебники пачкались чернилами, а это был повод вызвать родителей или поставить двойку за неряшливость.

На переменах носились наперегонки или играли в пёрышки. Игра заключалась в следующем: перо для ручки было продолговатое и вогнутое, чтобы вставить в ручку. Два игрока подбрасывали каждый своё перо, обычно на подоконнике, и у кого перо упало на рёбра, а не на брюшко, тот и начинал игру. Щёлкая своим пером – перо противника, надо было перевернуть его два раза – на брюшко и опять на рёбра, тогда это перо становилось твоим. Но если от щелчка перо

не переворачивалось, то ход переходил к противнику. Проигравший подставлял следующее перо и т.д. У каждого из школьников в карманах были десятки перьев разных сортов, и игра часто доходила до драки с взаимными обвинениями в обмане. Впрочем, драки беззлобной. А чтобы выигрывать – надо было тренироваться, а где ещё как не на уроке? Опять замечания в дневник.

Беготня по коридору требовала мастерства. Помнится, в классе четвёртом, Иван бежал не глядя, и сшиб уборщицу. Это видел директор школы, элегантный мужчина, лет сорока, учитель истории. Он поздравил Ивана к себе и без слов у всех на виду пару раз хлестанул его по щекам перчаткой. Такое не забывается и вызывает уважение – это мужское воспитание, Иван потом даже гордился этими пощечинами. А то бабушки только покричат и всё, разве на мальчика крик подействует? Конечно, отсутствие мужчины в доме сказалось и на характере и на поведении – это было женское воспитание, которое потом ему пришлось преодолевать.

Надо сказать, что в те времена в школах было много учителей – мужчин. Хотя зарплата учителя была небольшой, но профессия учителя и врача была уважаема, это была местная интеллигенция, соответственно и квалификация этих врачей и учителей была высокой, чтобы соответствовать. Нынешним нищим положением учителей, тех педагогов, конечно, не сравнить – мужчин среди учителей теперь почти нет, да и престижа у учителей нет никакого.

Его первая учительница – Августа Степановна учила всему до пятого класса, а далее уже по каждому предмету был свой учитель. В начальных классах всё ещё заодно, классы были уже смешанные – мальчики и девочки, а до этого, за год до поступления Ивана в школу, было ещё раздельное обучение: мальчики отдельно, девочки отдельно. При смешанном обучении и уроки труда в начальных классах были уже общие: если учились шить, то все вместе, если делать скворечник – тоже все.

Но лучшее время – это летние каникулы. В восемь – десять лет они были уже вполне самостоятельные сельские мальчишки, что-то уже умели: можно и в лес или на речку купаться или с удочкой. В местной речушке и в ближних озёрах водились только караси и гольяны – это такие маленькие рыбки, как килька или ёрш, но не колючие, а гладкие. Карась на удочку почти не ловится, поэтому мальчишки ловили гольянов.

Удочки мастерили сами. Взять нитку потолще – лески тогда ещё в их местах не было, потом пробка от бутылки – эту пробку проткнуть шилом туда вставить нитку со спичкой, к нитке привязать грузило: обычно небольшую гайку, потом крючок и всё – удочка готова. В огороде надо накопать дождевых червей в консервную банку, взять пустую бутылку из-под шампанского: оказывается и в те «страшные» времена в дальних городках и сёлах люди тоже пили шампанское, как и столичные жители, кусок хлеба с собой и мальчик к рыбалке

готов. Ловить рыбу можно было в речке прямо у дома, но чаще ходили ватагой за город в берёзовую рощу – там вдали от людей клёв был получше.

Тут же на берегу срезали берёзовую или ивовую ветку, очищали от коры – вот и удилище, к которому привязывалась подготовленная удочка и можно начинать рыбалку.

Летним утром или вечером, гольян жадно глотает наживку: успевай только забрасывать удочку да менять наживку. Пойманных рыбёшек засовывали в бутылку с водой и, если повезло, наловив 100–150 штук гольянов, бутылка становилась полной. Улов обычно отдавался кошкам или, если было настроение у прабабушки, она выдавливала из рыбёшек внутренности, промывала их и жарила на сковородке с подсолнечным маслом. Гольяны были удивительно вкусны. Много позже, Иван Петрович узнал, что гольян – это родич сига, ценной и вкусной рыбы, поэтому он и сам был вкусен.

Иногда на рыбалку ходили на ближнее озеро – там гольян был почему-то раза в два крупнее. Но чтобы добраться с берега до воды, надо было пройти по плавучим островкам сросшейся водяной травы – эти островки назывались лавдами. Шли осторожно, чтобы не провалиться сквозь траву и не уйти на дно. Такие случаи бывали, но выручала удочка: если её бросить поперёк и удержаться за неё, а остальные рыболовы помогут выбраться из провала.

Кроме удочек, каждый мальчик должен был иметь обязательный набор вещей. Во-первых: обязательно должна быть

рогатка, сделанная самостоятельно, или лук со стрелами с наконечниками из консервных банок. Во-вторых: желатель-но иметь фонарик – это чтобы зимой читать на печи или све-тить в землянке, вырытой за околицей под берёзой. Да мало ли какие вещи жизненно необходимы мальчишке.

Рогатка или «прач», как его называли, являлся мощным оружием мальчишек и представлял собой деревянную ро-гатку, типа вилки, к двум зубьям которой привязывались упругие длинные резинки, другие концы, которых привязы-вались к куску кожи. В этот кусок кожи вставлялся неболь-шой камень, резина растягивалась, отпускала, и камень ле-тел метров на пятьдесят. От таких стрелков не было пощады птичкам, кошкам, а иногда и стёклам. При взаимной пере-стрелке мальчишки наносили ушибы и друг другу, вплоть до повреждения глаз, читайте «Тома Сойера» Марка Твена.

В это время у Ивана были уже и постоянные домашние обязанности. Зимой надо было расчищать двор и дорожки от снега, привезти на санках питьевой воды из колодца, убрать за коровой и дать ей сена. Летом надо было вскопать огород, обычно за неделю, в жару принести воды для полива – а это десять раз сходить на речку с вёдрами на коромысле, пото-му что мальчишке восьми – одиннадцати лет вёдра с водой в руках не донести, так же и с питьевой водой, которую он носил из колодца.

Вечером надо было выйти за околицу и встретить стадо коров, возвращавшихся с выпаса. Тогда и в городке многие

держали коров как подспорье в питании. Корова обеспечивала молоком и его продуктами, но требовала кормов и ухода. Утром корову в стадо провожала прабабушка, а вечером была очередь Ивана встретить корову и пригнать её домой из стада.

Стадо коров формировалось весной: из соседних домов, где были коровы, собирались хозяева, нанимали пастуха, определяли взнос с каждой коровы на всё лето, что и составляло зарплату пастуха. И вот когда появлялась трава, коров утром выгоняли в стадо и пастух водил стадо по окраинам городка: по лугам и перелескам, где коровы и паслись. А вечером ребятишки, встречали стадо у околицы, каждый находил свою корову и гнал её домой. Прабабушка Дуня давала корове что-нибудь поесть и доила её. Потом наливала трёхлитровый бидон молока, и Иван относил молоко на приёмный пункт, который называли «молоканкой». Там молоко мерили на жирность и отмечали в специальной книжке сколько, от кого и какой жирности принято молока. Это был налог на корову. Такой налог он носил почти всё лето, но ещё ведро молока оставалось им каждый день.

В общем, с коровой жить было можно, но году в 1954 при Хрущёве налог сильно подняли, и держать корову, как и другую живность на подворье стало невыгодно, тогда и у них не стало коровы. Раз в неделю надо было сходить на базар за керосином в керосиновую лавку – летом всю еду готовили в сенях дома на примусе. Но основное время пропадало в

очередях за хлебом: и зимой и летом.

Хлеба давали буханку в руки, на всех не хватало, поэтому очереди занимали заранее, даже с вечера на ночь и потом дежурили у магазина, сменяя друг друга. Запись не признавалась и нужно быть на виду и знать: кто впереди и кто сзади стоит, чтобы не исключили из очереди, и предупредить – сколько человек из семьи стоит. К привозу хлеба, а это был фургончик на телеге, запряженной лошадью, надо чтобы пришли и бабушки, тогда можно было купить три буханки хлеба и на следующий день не стоять в очереди. Но народ в очереди не злобствовал, все были равны и ребятишек не притесняли, а если кто и потерял свою очередь, то взрослые помогали найти. Эти хлебные очереди были только до 1952 года, потом хлеб продавали свободно.

Еда была скудна и однообразна. Это регулярно картошка: жареная или варёная, какой-нибудь суп, молоко или простокваша, конечно хлеб, иногда жареная рыба или отварное мясо. Кстати, продуктовые карточки, например в Англии, были отменены только в 1955 году, а в СССР в 1947 году. О колбасе, кроме самодельной, никто и не слышал, из сладостей: леденцы, конфеты – подушечки и пряники – всё это местного изготовления в райпищепромкомбинате – даже и не выговаривать. Там же делались лимонад, квас и даже мороженое.

Примерно раз в месяц прабабушка затеваластряпню, обычно на воскресенье. С вечера ставилась квашня с тестом. К утру тесто было готово, растапливалась русская печь, го-

товилась начинка для шанег и пирожков – обычно это была картошка толчёная и тёртая морковь, иногда ливер, и началась стряпня. Ивана выгоняли из дома, чтобы не путался под ногами, стряпали прабабушка Дуня и бабушка Аня или, как он их тогда звал, баба Дуня и Бабаля. Когда всё было готово, его звали с улицы, на столе стоял и пыхтел самовар, горками лежали шаньги, пироги и плюшки, стояло блюдечко с растопленным сливочным маслом. Есть можно было сколько хочешь и даже одну – две плюшки разрешалось взять с собой на улицу, чтобы и соседи знали, что у них в этот день стряпали сдобу.

Со своей матерью в эти годы Иван встречался нечасто. Приходить к ней в дом, где она жила с мужем и младшим сыном ему не хотелось, да не приветствовались такие посещения её мужем и свекровью, а посадить Ивана за стол, и накормить можно было, но с упрёками. Да и его шпыняли за то, что заходит в дом: уходи – матери нет или она занята. Поэтому, если уж очень было нужно, Иван посылал младшего брата позвать мать на улицу, где они и общались.

Иногда мать заходила после работы на несколько минут, навестить его и бабушку, а в основном Иван забегал к ней на работу в детсад, сказать, что её в очередной раз вызывают в школу за очередной проступок, или попросить два-три рубля на пряники или покупку понравившейся книги в книжном магазине. Детские книги стоили дёшево: примерно два-пять рублей.

В школе, когда мать приходила выслушивать порицания за его шалости, завуч или директор выговаривали ей в присутствии Ивана, что он сделал что-то нехорошее, мать, иногда, всплакивала, Иван искренне расстраивался, испытывая жалость к ней, но проходило небольшое время и всё повторялось. А проступки заключались в плохом поведении на уроках или в школе. То он воробья выпустит в классе или в коридоре на перемене, то кинет резинкой на уроке в приятеля, то стрельба горохом из трубочки, то пустит бумажного голубя, да мало ли ещё какие проделки придут в голову мальчику восьми – одиннадцать лет? А наказание – это поставить в угол на уроке, выгнать из класса или вызвать родителей, чтобы они уже сами что-то придумали. Отцы иногда лупили своих сыновей – его одноклассников, а Ивана лупить было некому – бабушки только увещевали.

Но весной, когда уже начинало пригревать солнце, и набухали почки на деревьях, начинались и пропуски уроков. Надо было пускать кораблики в ручьях, текущих по улицам, или покататься на льдинах на речке, или пойти в поход в лес разорять птичьи гнёзда. Потом наступали летние каникулы, школа забывалась вместе с её проблемами и начиналась летняя уличная жизнь. Сходить на речку или на озеро искупаться, поиграть в войну, поохотиться на птичек с рогаткой, или сходить в лес.

Ещё раз в неделю по их улице проезжал старьёвщик на телеге, запряженной лошадью. На телеге стоял деревянный

сундук, в котором были шарики, дудочки, игрушки и книжки. Надо было сдать старьёвщику металл, кости, бумагу или тряпки и взамен получить игрушку или деньги. В поисках макулатуры мальчишки обшаривали все углы и закоулки и тащили всё, что попадалось, иногда и ценные вещи, которые старьёвщик не принимал и говорил, что если это не нужно, то пусть принесет взрослый. Лето пролетало незаметно, а осенью опять школа.

Первая учительница выпустила их в пятый класс и взяла первоклашек, а дальше Ивана учили уже разные учителя, каждый по своему предмету. Каждый учитель со своим характером, который не спрячешь и то, на что один не обращает внимания, другой рассматривает чуть ли не преступлением. Это к тому, что теперь родительские объяснения за Ивановы проступки надо было давать каждому учителю, поэтому материнская тропа в школу не зарастала. Мать всё это воспринимала безропотно, как должное ей наказание за его безотцовщину, хотя понял Иван это, конечно, много позднее.

После окончания пятого класса на летних каникулах Иван в первый и последний раз съездил в пионерский лагерь, но не городской, а областной, за двести километров от дома. Большинство там составляли городские мальчишки из областного центра и к ним, сельским жителям они относились свысока, а иногда и просто жестоко. Вот например письмо Ивана из этого лагеря домой, дословно и в его орфографии:

«Здравствуй мама баба Аня и баба Дуня Живем мы далеко от Иртыша 4 километра кормить стали плохо Мама приезжай ко мне скорей когда я приехал сюда я весил 34 кг300г я убавился на 2 кг приезжай скорей а то глядишь к концу сезона я стану вешать 25 кг овощей совсем не дают мама приезжай скорей а если не сможешь приехать пришли 30 рублей я сам уеду отсюда если денег не пришлешь я уйду пешком лучше идти пешком чем оставаться здесь жить. До свиданья Ваня».

Мальчика двенадцати лет надо было довести, чтобы он написал такое письмо, правда причины не указаны и обиды не перечисляются. Но потом как-то притерпелось, и он уехал вместе со всеми по окончанию смены.

Начало учёбы в шестом классе чуть было не стало окончанием учёбы вообще. Занимаясь фотографией, Иван как-то отснял случку собак, а потом, по подсказке старшеклассников, сделал фотомонтаж собачек с головами завуча и директора школы. Это фото разошлось по школе, кто-то донёс до учителей – ябеды и доносчики были и тогда, иначе из кого бы выросли Ельцин и ему подобные? Большинство предателей вырастает из детства и только немногие становятся предателями в силу жизненных обстоятельств и по слабости характера. Скандал был страшный, хотели исключить из школы, но педагогика взяла верх над личным возмущением (оправданным!) учителей и Ивана условно оставили в школе. Хотя позднее это условие им неоднократно нарушалось.

В двенадцать – четырнадцать лет Иван с друзьями по улице или классу начали совершать, кроме баловства в школе, и более серьёзные нарушения, над последствиями которых они почему-то не задумывались.

У Ивана появился хулиганистый приятель, живший по соседству и старше его на два – три года, что в этом возрасте имеет большую разницу. Звали его Толик, отец погиб на фронте и жил он с матерью. Их дружба продолжалась года два – три. Сначала они совершали весной походы в лес в поисках птичьих гнёзд, из которых забирали яйца для коллекции. В яйце делались две дырочки иголкой: на тупом и остром концах – через эти дырочки содержимое яйца выдувалось, а пустое яйцо нанизывалось на нитку или помещалось в картонную коробку с ватой. Яиц – от разных видов птиц у Ивана было более ста, но в поисках новых они и бродили по окрестным лесам. Коллекция также пополнялась новыми видами яиц путём обмена с другими мальчишками, но у Ивана была самая большая коллекция.

Яйца лесных птиц добывались не только в лесах, но и на местном кладбище, заросшем вековыми берёзами и кустарником – любимым местом гнездования птиц. Ранней весной, когда деревья стоят ещё голые с едва распустившимися почками, а в лесах ещё лежит снег и гнёзда ворон и сорок видны издалека, они шли на кладбище разорять гнёзда ворон, которые селились на самых верхушках берёз. Обжимая ногами стволы берёз, он и Толик карабкались до первой нижней

ветки, а потом по ветвям уже спокойно поднимались к самой вершине двадцатиметровых берёз, с трудом удерживаясь на тонкой верхушке в раскачивающейся высоте. Оттуда была видна даль на несколько километров вокруг, а посмотрев вниз, ощущалась взятая высота, и виднелись могильные кресты, торчащие из сугробов подтаявшего снега.

Вороны носились вокруг, крича об опустевших гнёздах, потому что их яйца уже лежали в шапке, шапка в зубах, и он осторожно спускался вниз, оставляя гомон птиц в вышине. Обломись тогда весенняя, ещё хрупкая ветка и можно было загреметь с высоты прямо на кресты, так что и костей не собрать.

Зачем всё это было надо, сейчас остается только удивляться. Или вот ещё случай. Опять вдвоём, они по чердачной лестнице поднялись на крышу единственного в городке двухэтажного кирпичного здания старинной постройки, чтобы разорить гнёзда галок поселившихся в печных трубах. Только они вылезли на крышу, как сторож их заметил, а это было здание райисполкома советской власти, и, думая, что это воры, сторож тоже вылез на крышу. Им с Толиком деваться некуда, выход закрыт сторожем, и они прямо с крыши дома прыгнули вниз с высоты восьми – десяти метров на недавно вскопанную клумбу. Иван упал и ударился о землю так, что отнялись ноги, и он, на четвереньках, уполз – в ближний сквер и спрятался там за деревьями, а Толик благополучно убежал. Из здания выбежали люди, поохали от та-

ких прыжков и, убедившись, что никто не сломал себе шею, ушли. Отлежавшись, часок, Иван встал и пришёл домой, однако хромота ещё несколько дней. Тоже юношеская дурость необъяснимая.

Потом летом, когда в огородах созревали овощи, Иван стал вместе с Толиком лазить по соседским огородам за огурцами, горохом, маком и т.д. Кажется, зайдя в свой огород и нарви, чего хочешь, так нет, чужое вкуснее, тем более добытое с риском, так как хозяева могли и побить. Поэтому набег на огород совершался ночью, и они не столько брали, вернее, воровали, сколько ломали и вытаптывали в темноте.

Садов с плодовыми деревьями и ягодными кустарниками в те времена в городке ещё не было. Это сейчас, приезжая, Иван Петрович видит яблони и груши, вишни и сливы, клубнику, малину и другие фрукты и ягоды. А в те времена местных сортов фруктовых деревьев ещё не было, а привозные вымерзали зимой. Видимо и зимние холода в то время были сильнее. Иван Петрович, например, не помнит, чтобы тогда в декабре – феврале были оттепели, а сейчас, пожалуйста. Тем не менее, несколько садоводов – любителей в городке было, им удавалось выращивать яблоки и сливы. Эти сады огораживались и охранялись хозяевами. Тем большим почётом среди мальчишек было умудриться в сад залезть, набрать яблок и убежать.

Иван с приятелем успешно чистили эти сады, пока однажды они не полезли днём, в саду оказался сторож, приятель

успел перемахнуть через забор и убежать, а Ивану, как более мелкому, это не удалось, сторож схватил его и отвёл к хозяйке. Хозяйка, женщина лет сорока, не позволила сторожу посечь его крапивой, а провела с Иваном беседу: мол, это делать нехорошо, мы ломаем деревья, а их так трудно вырастить, и если нужны яблоки, то можно зайти и попросить, она бы и так дала, ей не жалко. Иван, конечно, раскаялся, обещал больше так не делать и был отпущен, да ещё и угощён яблоками. И правда, к ней он больше не лазил, а вот к другим всё-таки случалось – им же Иван ничего не обещал, поэтому, по его тогдашнему представлению, своё обещание он не нарушал.

В эти годы было ещё одно занятие для мальчишек – игра на деньги. Жизнь к тому времени вполне наладилась, не стало очередей за хлебом, появились в свободной продаже продукты и товары, получаемых зарплат вполне хватало на текущие расходы, а крупные покупки, например шкаф или мотоцикл делались редко, путём накопления нужных сумм. Ивану, например, купили подростковый велосипед, на котором он гонял по всему городу и за его пределами. Если раньше на другой конец города – а это километра два, надо было идти полчаса, то теперь, на велосипеде, было делом минут.

А раз деньги были у родителей, то появились они и у подростков. Тут же образовалась и игра на деньги, которая называлась «игра в чику» и заключалась в следующем: на земле проводилась черта, каждый из играющих ставил на кон

пять копеек одной монетой, деньги ставились в столбик на черте, отмеривалось шесть, семь шагов, проводилась другая черта – с которой надо было бросить биту, обычно это подшипник или круглая плоская свинцовая пластина, желатель-но, на стопку монет или как можно ближе к деньгам за чертой. Кто попал в деньги или ближе к черте, тот бьёт по монетам первый – задача перевернуть монеты с решки на орла. Перевернул – монета твоя и так дальше, если не перевернул, то бьёт следующий игрок. Если твоя бита упала дальше, а ты хочешь бить первым, то выставляешь ещё пятак и снова бросаешь биту, соперник может также повторить, поэтому у кого больше денег, тот всегда может добиться первого удара, следовательно, и выигрыша.

Мальчишки ходили с полными карманами монет и играли целыми днями, но малышей не обыгрывали, а только между собой – ровесниками. Бывало, взрослые парни отбирали у игроков деньги, зная, что они не пожалуются родителям, которые эту игру не приветствовали. За день можно было, при умении, выиграть несколько рублей и потратить их на что-нибудь вкусное или нужное, на что родственники денег не давали. Был и ещё способ заработка – это собирать пустые бутылки в городском саду или у озера в зоне отдыха – мужики, выпив вина или пива, бутылку обычно оставляли, а сдав её в магазин, здесь же поблизости, можно было получить рубль двадцать – цена пустой бутылки.

За игру в деньги и на сборе бутылок Иван накопил де-

нег на фотоаппарат «Смена» и дальше уже почти все доходы и что давала мать, тратил на фотопринадлежности, фотографируя всё, что попадалось на глаза, из-за чего однажды и попал в историю, описанную выше. Но это было потом, а пока для игры в деньги требовались хорошая бита, которая отливалась из свинца, а где достать свинец, Ивану подсказали – из аккумуляторов, в которых тогда был чистый свинец. Иван сказал приятелю Толику и тот решил вопрос, украв аккумулятор на автобазе. Разломав его и расплавив свинец на примусе в своём сарае, Иван отлил хорошую битку, с которой очень часто бывал в выигрыше.

Потом с приятелем они ещё несколько раз крали аккумуляторы, ломая их и расплавляя свинец, из которого отливали дробь для ружья, которое было у него, а также для самодельных пугачей. Пугач представлял собой бронзовую трубку, один конец которой сплющивался, загибался и заливался свинцом. Эта трубка приматывалась проволокой к деревянной рукоятке в форме пистолета. На трубке сбоку делался пропилен, к нему прикреплялась спичка, внутрь трубки насыпалась сера от спичек или немного пороха, если его удавалось достать, потом забивался пыж, потом пуля. Чиркнув коробком по спичке, порох или сера поджигались, и происходил выстрел. Надо сказать, что пуля из удачно сделанного пугача пробивала сантиметровую доску насквозь, а иногда, при большой зарядке, пугач взрывался прямо в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.